

Н. М. Дорошенко, И. Ф. Кефели

ВВЕДЕНИЕ

I. Интерес к личности и творчеству Л. Н. Гумилева

В чем кроются причины интереса к личности и творческому наследию Льва Николаевича Гумилева сегодня? Что привлекает внимание самых разных людей к творчеству этого незаурядного ученого и мыслителя в начале XXI века? Что делает его теорию столь популярной? Почему даже оппоненты признают его «властителем дум». Назовем лишь несколько факторов, которые представляются наиболее существенными для ответа на эти вопросы. Начнем с самого Гумилева, с выяснения, как сам он объяснял широкий общественный интерес, столь необычный для сугубо научной концепции: «Я картавый, не декламацией и не многими подробностями, которые я действительно знаю из истории и которые включал в лекции, чтобы легче было слушать и воспринимать, а *той основной идеей, которую проводил в этих лекциях*. Идея эта заключалась в синтезе естественных и гуманитарных наук, то есть я возвысил историю до уровня естественных наук, исследуемых наблюдением и проверяемых теми способами, которые у нас приняты в хорошо развитых естественных науках»¹. Забегая вперед, скажем, что предпринятый Гумилевым научный синтез позволил ему предложить новаторское по своей сути системно-синергетическое понимание этногенетических процессов, нелинейности исторических процессов, саморазвития, самоорганизации и самоуправления этнических систем.

¹Гумилев Л. Н. Автонекролог // Лавров С. Б. Лев Гумилев: судьба и идеи. М., 2003. С. 31.

Повышенный интерес к его работам обусловлен также актуализацией этнической проблематики в связи с глобализацией мировых процессов в современном мире и с ростом напряженности в межнациональной сфере. Сейчас его концепция сохраняет свои позиции как альтернатива засилью европоцентризма в отечественном гуманитарном образовании, прозападным интерпретациям и оценкам российской истории. В этом смысле чрезвычайно важным является жизнеутверждающее мировоззрение Гумилева. При жизни он был необычайно притягательной фигурой на интеллектуальном небосклоне 1960-х — начала 90-х гг. XX в. И наконец, привлекает дискуссионный характер материалов о личности и творческом наследии Гумилева, который вызывает к себе неоднозначное отношение и порой противоположные оценки. И вместе с тем многими он признан как один из наиболее выдающихся мыслителей XX в. К сожалению, сегодня при попытках непредвзято подойти к пониманию «феномена» Льва Гумилева не всегда учитывается, что многогранность и разноплановость его творчества породили много мифов и субъективных предубеждений, которые порой создают искаженное представление о нем и его идеях. Он постоянно находился в творческом поиске.

Сведения о жизненном пути Гумилева содержатся прежде всего в его интервью и статьях: «Автобиография. Воспоминания о родителях», «Автонекролог», «Биография научной теории, или Автонекролог». Для Гумилева важнее всех жизненных перипетий были «радости познания», муки творчества, поэтому он свой «Автонекролог» писал не как историю личной жизни, а как действительную биографию научной теории, собственных раздумий, как историю идей. Добавление к такой его автобиографии было сделано Мариной Георгиевной Козыревой — другом семьи Гумилевых, хранительницей их семейного фонда, первым директором музея-квартиры Гумилева. Она составила хронику событий его жизни под названием «Основные даты жизни и деятельности Л. Н. Гумилева» (см. Приложение) и в свое время передала ее Сергею Борисовичу Лаврову, написавшему прекрасную книгу «Лев Гумилев. Судьба и идеи». Наша книга — дань уважения великому человеку и ученому и продолжение дела, начатого С. Б. Лавровым.

II. Путь в науку: взлеты и изломы судьбы

Льва Николаевича Гумилева большинство людей знают как сына двух замечательных поэтов Серебряного века — Николая

Степановича Гумилева и Анны Андреевны Ахматовой². Он родился 1 октября 1912 г. в Санкт-Петербурге на Васильевском острове в клинике Вейдемана на углу Большого проспекта и 14-й линии. С детских лет он привык к жизненным невзгодам и лишениям. Детство, проведенное вдали от родителей, расстрел отца, клеймо «сына врага народа», многократные аресты и заключения более чем на тринадцать лет, участие в Великой Отечественной войне. Только после войны он закончил исторический факультет ЛГУ.

Первая детская мечта была простой и наивной: «Мне хотелось простого: чтобы был отец, чтобы в мире была елка, Колумб, охотничьи собаки, Рублев, Лермонтов, но папа приезжал к нам раза два или три, он занимался со мной, рассказывая мне, что такое стихи и как я должен изучать историю... Он рисовал для меня картинки...». Однако общение оказалось недолгим: в августе 1921 г. Николай Степанович Гумилев был арестован, обвинен в участии в контрреволюционном заговоре и расстрелян (заговора, как потом выяснилось, не было, и он был реабилитирован 30 сентября 1991 г.). Так обернулась первая детская мечта. Всю жизнь Лева хранил память о своем отце, восхищался его мужеством и поэтическим наследием, гордился им.

Вторая мечта — нормальная для всякого человека — иметь свое жилье, свой угол, свою комнату и предел его мечтаний — «отдельную квартиру на бестрамвайной улице». Осуществления этой мечты пришлось ждать более 70 лет, а до этого Лева жил то у бабушки Анны Степановны в селе Слепнево Тверской губернии, то в Ленинграде у матери, которая сама не имела жилплощади и жила «на птичьих правах» у очередного мужа, то на тюремных нарах. Только за два года до смерти, на семьдесят восьмом году жизни, он вместе с женой получил отдельную двухкомнатную квартиру на ул. Коломенской, дом 1, кв. 15, ставшей мемориальным музеем — филиалом музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

²Краткие сведения о родителях Л. Н. Гумилева: Отец — Николай Степанович Гумилев — один из поэтов Серебряного века, путешественник. Вскоре после начала Первой мировой войны ушел добровольцем на фронт, за личную храбрость 1914–1915 гг. был награжден первым солдатским Георгиевским крестом, в 1916 г. — Георгиевским крестом III степени. 3 августа 1921 г. арестован, обвинен в участии в контрреволюционном заговоре по процессу Таганцева и расстрелян. В 1998 г. было издано 10-томное собрание его сочинений. Мать — Анна Андреевна Горенко (псевдоним: Анна Ахматова) (1889–1966) — всемирно известная поэтесса. Осн. соч., касающиеся сына: «Реквием».

Все это закаляло его характер, научало добиваться поставленной цели. Она по-разному формулировалась в разные годы: в детстве он ощутил в себе интерес к истории и географии, в юности ставил цель — написать историю евразийских народов³; в зрелые годы в своей докторской диссертации он так определял главную задачу своих исследований: «Я вижу свою задачу в том, чтобы принести посильную пользу Прекрасной Даме Истории, без которой не может существовать ни один народ, и ее Мудрой Сестре — Географии, которая роднит людей с их праматерью Биосферой планеты Земля»⁴. Вся его жизнь была посвящена служению этим двум Прекрасным Дамам, его любимым наукам — истории и географии. Бесспорно, он понимал, что первым условием достижения этой цели является получение образования, прохождение всем известного пути: школа, университет, аспирантура, но для него не все было гладко на этом пути. После окончания в 1929 г. Бежецкой девятилетней школы Лев переехал в Ленинград, где закончил 10-й класс «Единой трудовой школы» на 1-й Красноармейской улице, и в 1930 г. попытался поступить в Педагогический институт имени А. И. Герцена, но не был принят из-за «отсутствия рабочего стажа» (на деле — из-за дворянского происхождения). Чтобы заработать трудовой стаж, он с сентября 1930 по 1934 г. работал чернорабочим, потом коллектором Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института на Памире, санитаром малярной станции в Таджикистане. В 1934 г. поступил на Восточный факультет Ленинградского государственного университета, но был арестован и, хотя через 9 дней был освобожден «за отсутствием состава преступления», был исключен из университета по решению комсомольской ячейки. В 1937 г. был восстановлен в университете благодаря ректору М. С. Лазуркину и успел сдать экзамены за второй курс исторического факультета, но доучиться ему не дали в связи с очередным арестом и добровольным уходом в 1944 г. на фронт. В 1945 г., с разрешения декана исторического факультета ЛГУ В. В. Мавродина, Гумилев сдал экстерном 10 экзаменов и был восстановлен в университете на историческом факультете, что позволило ему получить диплом по специальности «историк-востоковед». В 1946 г. он поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, но вскоре был

³ См.: Головникова О. В., Тархова Н. С. «И все-таки я буду историком!» // Звезда. 2002. № 8. С. 114–135.

⁴ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2002. С. 44.

отчислен с формулировкой: «Несоответствие филологической подготовки избранной специальности», хотя знал к тому времени несколько иностранных языков. Чтобы получить положительную справку с места работы, Гумилев с большим трудом устроился на работу библиотекарем в психиатрическую больницу. В декабре 1948 г. он наконец получил «трудовую характеристику», которая позволила ему защитить кандидатскую диссертацию на тему «Подробная политическая история первого тюркского каганата (546–569 гг.)». 6 ноября 1949 г. Гумилев был арестован уже в четвертый раз и осужден на 10 лет «за контрреволюционную деятельность» («за папу»). До 1956 г. он пробыл в лагерях Карагандинской, Курганской, Омской областей. «Воспользовавшись» большим количеством «незанятого для головы» свободного времени, он и там продолжал творить: «Я все свои главные научные мысли продумал в тюрьме. Там хорошо думается. В камере залезал под нары на пол, лежал и думал...»⁵, — вспоминал он. Вдумайтесь в эти слова! Какой силой воли и свободой мысли должен был обладать этот незаконно репрессированный человек, чтобы не ожесточиться, не опуститься, не раствориться в уголовной среде. Итогом этих раздумий явились замечательные идеи. Так, именно в тюрьме он стал думать об источниках и движущих силах исторического процесса; именно в тюрьме ему пришла в голову идея пассионарности. Много знаний и впечатлений давало ему общение в ссылках с представителями разных народов. Дружить с казаками и киргизами, таджиками и узбеками, уйгурами и китайцами ему было нетрудно. Они легко шли на контакт, ценили искренность и доброжелательность. Они требовали уважения к себе и гордились своими достижениями. Служба в армии была тоже великолепным источником знаний о людях. Уйдя в 1944 г. на фронт, он приобрел большой опыт не только в военных делах, но и в общении с людьми. Так, еврей-раввин познакомил его с философским смыслом Каббалы, а кореец-буддист рассказал несколько легенд о стране Шамбала, о которой позднее он напишет научную статью.

В 1956 г. Гумилев был освобожден, реабилитирован и вернулся в Ленинград. Директор Эрмитажа М. И. Артамонов принял его на работу в Центральную научную библиотеку музея. С 1959 г. стали появляться в печати первые научные работы Гумилева, задуманные в неволе. В 1960 г. вышла его первая книга «Хунну». Тогда же он начал читать лекции на историческом

⁵ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 8.

факультете, а позднее на Восточном факультете ЛГУ — о кочевниках Центральной Азии. После того как он стал членом Географического общества, где выступал с докладами о колебаниях климата по историческим и геологическим данным, его пригласили на работу в НИИ географии при географическом факультете ЛГУ. В 1961 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Древние тюрки в VI–VIII вв.», а в 1974 г. — третью диссертацию на тему «Этногенез и биосфера Земли» на соискание ученой степени доктора географических наук. Однако ВАК не утвердил ее, так формулируя отказ: «Несмотря на серьезные ошибки, она стоит выше многих докторских диссертаций». Отказавшись присудить Гумилеву искомую ученую степень, ВАК тогда же ввел его в специализированный Ученый совет по присуждению докторских степеней по экономической и социальной географии. Его монография «Этногенез и биосфера Земли» была издана далеко не сразу — в 1989 г. С этих пор началась самая настоящая травля Гумилева. За период с 1974 по 1985 гг. был задействован механизм зажима его публикаций. Он не мог не почувствовать, что отношение к нему резко изменилось в середине 70-х гг. Начался период «замалчивания» трудов Гумилева: его перестали печатать, заказанные статьи в научных журналах не публиковались, друзья и некоторые ученики начали отходить от него. Вокруг него образовался профессиональный вакуум. Это был, пожалуй, самый тяжелый период в его научной жизни. Его теорию этногенеза не хотели признавать. Против него ополчились академические институты, но Гумилев оказался способен противостоять им всем. Уже одно это обстоятельство показывает масштаб этого незаурядного ученого. Борьба шла с переменным успехом. Одно время казалось, что побеждают академические круги под руководством академиков Ю. В. Бромлея и Б. А. Рыбакова. Они нашли способ справиться с неутомимым Гумилевым. Задействовав всю мощь административного ресурса и партийного аппарата, его гонителям удалось на целых пятнадцать лет (1974–1989) наложить негласное табу на издание и даже упоминание его работ. Запрещалось приглашать Гумилева на конференции и принимать от него заявки на участие в научных форумах, предпринимались усилия изолировать ученого и отбить у исследователей желание консультироваться с ним по научным вопросам. Сложно сказать, кому от этого было хуже, но факт остается фактом: дальнейшее развитие науки было задержано на несколько десятилетий, хотя жизнь показала правоту многих идей Гумилева. В последние годы жизни он был избран действительным членом Российской академии естественных наук. Это был пик его научной карьеры!

К этому времени обнаружилась еще одна сторона таланта Гумилева. Он оказался блестящим публичным лектором, прекрасным просветителем. Его лекции по народоведению, которые вначале читались только для студентов, стали собирать огромные аудитории. Но силы были на исходе...

III. Предмет исследований

Свое понимание предмета исторического познания Гумилев изложил в статье «По поводу предмета исторической географии». Предмет его исследований расширялся и углублялся в зависимости от критериев, положенных в основу его исследований: по оси исторического времени, по оси исторического пространства, по уровню исследований, по сторонам общественной жизни, по научным дисциплинам. В соответствии с этими критериями Гумилев давал ответы на самые традиционные вопросы: когда, где, что и как происходило? У него всегда был бескорыстный интерес к предмету, к частным сюжетам и эмпирическим обобщениям. Желание понять три вещи: «как?», «что?» и «что к чему?» представлялись ему самоцелью⁶.

Отвечая на вопрос «когда?», он продвигался по оси исторического времени: история Древнего мира, Средневековье, Новая и Новейшая история, современность. Понимая, что историческое время, в отличие от физического и биологического, обнаруживает себя через насыщенность историческими действиями и событиями, Гумилев утверждал, что историческое время неоднородно: в нем есть эпохи, богатые событиями и эпохи «безвременья», которые в равной степени становятся предметом объективного исследования.

Отвечая на вопрос «где?», он двигался по оси исторического пространства: Восточная Азия или Средний Восток, Срединная или Центральная Азии, Евразия, включавшая историю России. Отождествляя жизненное пространство с «вмещающим и кормящим» ландшафтом, он проанализировал роль ландшафта в своих первых публикациях: статье «Этнос и ландшафт» и серии статей в Вестнике ЛГУ под общим названием «Ландшафт и этнос»⁷.

⁶ Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 2003. С. 9.

⁷ *Его же.* Хазария и Каспий // Вестник ЛГУ. 1964. № 6; *Его же.* Хазария и Терек // Там же. № 24; *Его же.* Гетерогенность увлажнения Евразии в древности // Там же. 1966. № 6; *Его же.* Гетерогенность увлажнения Евразии // Там же. № 18.

Политическая история и быт древних кочевников.

На первой стадии его творческого пути предметом его исследований был *быт кочевников, описание древних* тюркских племен, констатация *событий их политической жизни*. Еще в школьные и студенческие годы у него появился интерес к истории кочевников: «И вот, признаюсь, мне безумно захотелось узнать, как в пустынных степях Монголии внезапно возникла могучая империя Чингисхана, которая через 90 лет так же быстро развалилась... Чтобы удовлетворить свое страстное любопытство, мне пришлось заниматься историей кочевников всерьез, отодвинув на задний план все другие дела»⁸.

О серьезности его намерений и своеобразии его предметного подхода этого периода можно судить по содержанию и названиям докладов и специальных статей: «Алтайская ветвь тюрк-тугю» (1959); «Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (Опыт историко-географического синтеза)» (1966), «Кочевой быт от расцвета к исчезновению» (1968), «Кочевые погребения в дельте Волги» (1968), «Место исторической географии в востоковедческих исследованиях» (1970), предисловие к книге: Д. Майдар, Д. Пюрвеев «От кочевой до мобильной архитектуры» (1980), «Люди и природа Великой степи (Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников)» (1987), и др.

Политическая история отражена в названиях и содержании его докладов и первых статей: «Удельно-лествичная система тюрок в VI–VII веках: к вопросу о ранних формах государственности» (1959), «Война 589 г. и Гератская битва» (1960), «Таласская битва 36 г. до н. э.» (1960), «Великая распря в первом тюркском каганате в свете византийских источников» (1961), «Ирано-эфталитская война в V в.» (1965), «Величие и падение Древнего Тибета» (1969) и др.

В числе особо интересовавших его народов были тюрки, хунны, монголы, хазары, которым он посвятил целый цикл статей и книг:

– о тюрках он писал с начала 60-х гг. и до конца своих дней: «Алтайская ветвь тюрк-тугю», «Диспут о древних тюрках», «Древние тюрки VI–VIII вв.», «Орды и племена у древних тюрок и уйгуров» и др.;

– о хуннах: «Некоторые вопросы истории хуннов», «Хунну. Срединная Азия в древние времена», «Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами III–VI вв.», «Дакоты и хуннь», «Хунны в Азии и Европе», «Хунну. Степная трилогия» «История народа хунну. В 2-х кн.»;

⁸ *Его же*. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). СПб., 2003. С. 6, 7.

– о монголах: статьи «Древне-монгольская религия», «Монголы и меркиты в XII в.», «“Тайная” и “явная” история монголов XII–XIII вв.», «Создание и распад монгольской империи в XIII в.», «Монголы XIII в. и “Слово о полку Игореве”» и др.;

– о хазарах: «Хазарское погребение и место, где стоял Итиль», «Хазарская Атлантида» (соавт. А. Алексин), «Хазария и Каспий», «Хазария и Терек», «Соседи хазар», «Хазарские погребения в дельте Волги», «Где она, страна Хазария» (соавт. Б. И. Кузнецов), «Памятники хазарской культуры в дельте Волги». Этот цикл статей завершился монографией «Открытие Хазарии».

Защитив две диссертации — кандидатскую на тему «Подробная политическая история первого тюркского каганата (546–659)» и докторскую «Древние тюрки. VI–VIII вв.» — и став первым доктором наук по специальности «история древних тюрков», он внес заметный вклад как в российское, так и в зарубежное кочевниковедение. О значении его работ в этой области можно судить, сравнивая их с предшествующими знаниями. Ко времени появления трудов Гумилева отечественная историография частично включала знания о соседях Древней Руси, о каганатах на Волге, Средней Азии, Кавказе, но это были знания об отдельных тюрко-монгольских племенах и носили они часто отрывочный и искаженный характер. С появлением гумилевских трудов в отечественную историографию на смену искаженным представлениям о кочевниках пришли конкретно-исторические знания о соседях Руси, их взаимоотношениях. Под влиянием Гумилева наши представления о многих народах оказались продвинутыми на новый, более высокий уровень.

Его эрудиция, широта взглядов, знание множества языков, культуры Востока дали ключ к постижению стереотипов поведения народов на стадии их возникновения и развития. Более того, знакомство с историей этих народов позволило ему пересмотреть существовавшие тогда и существующие ныне негативные стереотипы исторического мышления. Уже в первых статьях, написанных на эту тему: «Легенда и действительность в древней истории Тибета» (1960), «Страна Шамбала в легенде и в истории» (1968), а также в книге «Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи» (1994), он разоблачал мифы о вечной вражде кочевников и земледельцев, лесных и степных народов.

В итоге на первой стадии творческого пути ему удалось охарактеризовать быт кочевников древнего мира, разобраться, кем являлись некоторые азиатские народы (например, в статьях

«Эфталиты и их соседи в IV в.», «Эфталиты: горцы или степняки?», «Три исчезнувших народа»). В этот период ему удалось описать внешние политические события (набеги, победы и поражения орд и племен), но констатируя факты, он не мог ни объяснить толком эти события, ни обобщить многочисленные факты, ни установить какие-либо закономерности.

Степная культура Центральной Азии. Вторая стадия — переход от древней истории к средневековью, от описания отдельных событий к процессам, от фактов к закономерностям, от политической истории кочевых народов к культурной и этнической истории. По его собственному признанию, тогда была поставлена первая научная проблема: *каково соотношение двух разных культурных целостностей* людей, населявших горы, леса и степи. Эта проблема получила решение в «Степной трилогии», опубликованной много лет спустя⁹. Если раньше, описывая быт кочевников в своих первых исследованиях, он отвечал на вопрос «как?», а не «почему?»¹⁰, то теперь он уже не ограничивался простым описанием. Так, прослеживая историю хуннов, он следующим образом определял задачи своего исследования: «Мы хотим разобраться, каким образом немногочисленный кочевой народ создал такую форму организации и культуру, которые позволили ему сохранять самостоятельность и самобытность на протяжении многих столетий, пока он не потерпел окончательное поражение и не подвергся полному истреблению. В чем была сила этого народа и почему она иссякла? Кем были хунны для соседей и что они оставили потомкам?»¹¹. Он пытался понять, как хунны в количестве 1,5 миллионов человек сражались на равных против объединенного Китая с его 59 миллионами; как могли в XIII в. н. э. монголы, которых было всего 700 тысяч, завоевать и покорить большой, храбрый и культурный русский народ?¹² Переходя от древней истории к средневековью, от описания политических событий к характеристике культуры и быта и социального устройства, от описания отдельных народов к анализу этнической истории в целом, он надеялся получить ответы на вопросы: «почему одни армии одерживали победы, а другие терпели поражения, и отчего одни страны усиливались, а другие слабели?», «каким образом маленькое племя иногда оказывалось гегемоном полумира, затем

⁹ Гумилев Л. Н. Этносфера... С. 12.

¹⁰ Его же. Этногенез и биосфера Земли. С. 247

¹¹ Его же. История народа хунну. М., 2002. Кн. 1. С. 7–8.

¹² Его же. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 2003. С. 27.

увеличивалось в числе, а потом исчезало?»¹³. Он полагал, что именно этническая история может быть ключом к открытию объективных закономерностей исторического процесса. «Не составляет ли это предположить, что именно в недрах многообразной этнической стихии человечества сокрыты глобальные и объективные закономерности исторических процессов?»¹⁴ Поставив цель — описать средневековую историю степных народов, дать их социальный портрет, он перешел от анализа отдельных тюрко-монгольских племен к исследованию истории Срединной (Центральной) Азии. Результатом этих исследований явилась публикация следующих работ: «Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (Опыт историко-географического синтеза)» (1966), «Изменение климата и миграции кочевников» (1972), «Старобурятская живопись» (1975), «Пространство и время Великой степи» (1979) и др.

Ко времени появления его трудов в отечественной историографии Великая Степь Евразийского континента была почти не исследованной. Преобладала недооценка этнических процессов, в ходу была однозначная шкала больших и малых народов. С появлением трудов Гумилева вырос интерес к Востоку и к миру в целом, этнические процессы приобрели необходимый масштаб. В отечественную историографию на смену искаженным представлениям о «дикой степи» пришли конкретно-исторические знания о народах, населявших Степь, их взаимоотношениях. Он соединил в единую цепь развития гео-этно-исторические процессы, показал и обосновал диалектику их развития. Изучая долгое время средневековую историю народов Центральной и Срединной Азии, их хозяйственный быт и культуру, он пришел к выводам о наличии развитой цивилизации у азиатских народов, о существовании определенных статистических закономерностей в развитии природных и этнических процессов. Но в рамках этнографии не появилось ни одного исторического или социологического закона.

В начале 70-х гг. у Гумилева созревает мысль об этносе как о связующем звене между природным и историческим бытием человека. Уже становится мало этнографии, фиксировавшей внимание на *различиях* народов, и он закладывает основания новой науки — этнологии, ставящей задачу изучения *общих* свойств этносов. «Эта новая наука по предмету, аспекту и методике будет относиться к разряду

¹³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 27, 28.

¹⁴ *Его же.* Ритмы Евразии... С. 185.

естественных, а не гуманитарных наук», — писал он в статье «Этнос и ландшафт»¹⁵. По его характеристике, «этнология — это рождающаяся наука. Потребность в ней возникла лишь во второй половине XX в., когда выяснилось, что простое накопление этнографических собраний и наблюдений грозит тем, что наука, не ставящая проблем, превратится в бессмысленное коллекционерство. И вот возникли на наших глазах общественное и этнология — две дисциплины, интересующиеся одним, на первый взгляд, предметом — человечеством, но в совершенно разных аспектах»¹⁶. Обществоведению повезло больше. Оно стало преподаваться в качестве специального предмета в средней и высшей школе. В вузах оно вошло в содержание курса исторического материализма, где изучались темы «Природа и общество», «Географическая среда и ее роль в жизни общества», «Демографические проблемы» и прочие, роднящие его с этнологией. Но для нас в этой цитате важно очень ценное для дальнейшего исследования положение, касающееся нового понимания предмета этнологии и его собственных исследований. Создание этнологии, объясняющей закономерности развития этносов, дополнило этнографию, описывающую различные этносы, и привело к созданию подлинно научной этнической истории. Вместе с научным обоснованием этнологии он также указывал на ее прогностический аспект: «Практическое значение этнологии также велико, как значение климатологии и сейсмографии. Мы не можем предотвратить цунами, наводнения или засухи, но можем их предсказать и принять меру»¹⁷. Создавая этнологию, Гумилев уже закладывал основы своего главного научного труда «Этногенез и биосфера Земли», в котором были изложены основные идеи, упомянутые ранее в статье «Этногенез и этносфера» (1970) и др.

История Евразии. Третья стадия — переход от истории народов Средней Азии к истории всей Евразии, от истории средневековой к новой и новейшей истории. В отличие от классиков востоковедения Гумилев поставил гигантскую (по временному и пространственному охвату) задачу — *дать сводную этническую историю всей Евразии*, всю ее историю от хуннов до рождения Руси, проследить и объяснить взлеты и падения

¹⁵ Гумилев Л. Н. Этнос и ландшафт // Вестник Географического общества. 1968. Т. 100. С. 202.

¹⁶ Его же. Этногенез и биосфера Земли. С. 32.

¹⁷ Его же. Конец и вновь начало. М., 2003. С. 14.

евразийских народов. Стремясь решить эту задачу, он писал, что за обозримый исторический срок (1450 лет) Евразия объединялась четыре раза. В первый раз ее на короткое время объединили гунны; во второй — тюрки, создавшие свой каганат от Желтого до Черного морей; в третий — монголы под руководством Чингис-хана; в четвертый — русские, дошедшие до берегов Тихого океана и объединившие большую часть евразийского континента, за исключением Монголии и Восточного Туркестана. Они опять сделали из Евразии сильную державу и сами стали самостоятельной и весьма развитой культурой¹⁸. Гигантское пространство, на котором разворачивалась эта история, он сам знал и по этапам (от Беломорканала до Норильска, Караганды и Омска), и по археологическим экспедициям (Саркелы в 1949 г., Ангара в 1957 г. и др.). Кроме того, он дополнил их данными П. Н. Савицкого об огромном «прямоугольнике степей» с наибольшей не только в Европе, но и во всем мире сплошной полосой травянистых степей и пустынь, удобных для кочевников-скотоводов: с севера — хинганско-карпатский «прямоугольник степей»; с востока Захинганская островная Маньчжурия, с запада — «симметричная» ей Закарпатская венгерская степь; с юга — островные степи, особенно частые в условиях пересеченного рельефа Восточной Евразии (енисейская и ленская долины, Монголия и Забайкалье). Стремясь преодолеть предубеждение европейских историков, считавших, что азиатская степь — обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола, Гумилев в предисловии к «Хуннам в Китае» дал целостное описание средневековой степной культуры, показал ее значение для всемирной истории, которое заключалось в том, что она установила ханьскую и танскую агрессию, обеспечив тем самым оригинальное развитие всех культур Евразийского континента¹⁹. Проведя это исследование, он сделал оригинальные выводы о вкладе кочевников и хуннов в евразийскую историю: кочевники объединяли народы Великой степи, преодолевая горы, степи и пустыни, а хунны послужили щитом, защитившим свободу этих народов, не позволив китайцам заселить Сибирь с юга. Изучая долгое время древнюю и средневековую историю народов Центральной и Средней Азии, он пришел к выводам о существовании определенных закономерностей в развитии природных и этнических процессов

¹⁸ Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. С. 14.

¹⁹ *Его же*. Хунны в Китае: три века войны Китая со степными народами. М., 1974. С. 3.

на Евразийском континенте, о наличии развитой цивилизации у азиатских народов.

Но на этой стадии развития своей теории Гумилев столкнулся с определенными трудностями и пришел к четвертому умозаключению: в рамках одной только исторической науки невозможно установить универсальные закономерности, характерные для всего человечества: «История только фиксирует “концы” (обрывки традиций) и “начала” (вспышки пассионарности, зачинающие новый этногенез)»²⁰. Поставив вопрос: откуда берутся вспышки и почему инерционные процессы так удивительно похожи друг на друга, он стал искать пути сближения истории с другими гуманитарными и естественными науками. Поиски привели его к евразийцам.

Как известно, отдельные евразийские положения высказывали многие русские философы (Н. Я. Данилевский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Л. П. Карсавин И. А. Ильин и др.), но как «своеобразное духовное братство» со своими мировоззренческими и методологическими принципами евразийство было создано в 20–30-е гг. XX в. Датой рождения евразийства считается 1921 г., когда в Софии вышел сборник статей под названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийства». Авторами были ученые, эмигрировавшие из России после революции 1917 г.: историк Г. В. Вернадский (1877–1973) — автор пятитомной «Истории России», географ и геополитик П. Н. Савицкий (1895–1968), историк и филолог князь Н. С. Трубецкой (1890–1938). Евразийцами их стали называть потому, что они называли Россию — Евразией, под которой понимали не просто особую территорию, объединяющую европейскую и азиатскую части России, но и особую «многонародную нацию» и особую русскую идеологию.

Л. Н. Гумилев и евразийцы жили в разных странах и трудились независимо друг от друга; их творческие пути до определенного времени не пересекались. Их очному знакомству препятствовали железный занавес, нахождение Гумилева в «местах отдаленных» и невозможность для него выехать за границу в течение многих лет, хотя с Г. В. Вернадским он переписывался через П. Н. Савицкого, с которым познакомился в 1966 г. в Праге на археологическом конгрессе. По справедливому утверждению С. Б. Лаврова, подробно познакомиться с учением евразийцев Гумилев смог лишь после освобождения из ГУЛАГА в 1956 г.: «“Выход” на кочевниковедение,

²⁰ Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., 2002. С. 13.

на монгольскую тематику евразийцев и Л. Н. Гумилева шел параллельно и абсолютно независимо друг от друга. Евразийцы не могли до 50-х гг. даже знать о его существовании, а он не мог читать труды евразийцев, естественно, не доходившие ни до Ленинграда, ни тем более до лагерей»²¹. Сам Гумилев утверждал, что он многое «усвоил самостоятельно, размышляя над вопросами, которые волновали и евразийских теоретиков»²². Он высоко ценил евразийство, значение которого подчеркивал в своем последнем интервью: «Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»²³.

В евразийском учении ему наиболее ценным показалось изучение такой дисциплины как историческая география, в которой рассматривалась роль географической среды в жизни общества. Под влиянием евразийцев он стал уделять еще большее внимание изучению народов Евразии. Сначала он написал статью «Ритмы Евразии», затем, уже после его смерти, вышла монография с идентичным названием «Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации», первая часть которой называется «Евразийская теория: новое утверждение»; вторая часть — «Историческая география Евразии». В этих частях сделана попытка в рамках исторической географии установить законы, действовавшие в Евразии во все исторические времена и на всем географическом пространстве. Но, подчеркивая значение исторической географии, в докторской диссертации он писал о ее границах («область компетенции исторической географии ограничена») и о необходимости ее союза с другими науками (психологией, социологией, культурологией, биологией), которые должны были бы помочь в поиске решения поставленной проблемы²⁴.

История русского народа. На четвертой стадии творческого пути он пришел к умозаключению о границах этнической науки, о недостаточности этнической истории, о невозможности решения важнейших исторических проблем на этническом уровне и о необходимости синтеза этнической истории с социальной историей. По его утверждению, социальная история и этнография в историческом синтезе не подменяют друг друга, а освещают предмет в разных аспектах. Этот синтез этнографии и социальной истории особенно ярко проявился

²¹ Лавров С. Б. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии... С. 10.

²² Там же.

²³ Там же. С. 19, 23.

²⁴ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 25.

в его интересе к отечественной истории. Он просвечивался уже в докладе «Несторианство и Древняя Русь», статьях «Древняя Русь и Кипчакская степь в 945–1225 гг.», «Россия, климат и кочевники» и особенно в книгах «Древняя Русь и Великая степь», «От Руси до России: очерки этнической истории» и «От Руси к России», посвященной истории Руси от становления Киевского княжества до эпохи Петра Первого.

В этих публикациях прежде всего описывалась история русского народа, объединившего более 100 этносов. Определив историю Руси как смену этносов, каждый из которых имел свой исторический срок, свою стадию зарождения, расцвета и упадка, он рассматривал ее генезис и развитие в специфических ландшафтных условиях. Гумилевым была сделана попытка установить предков русского этноса. Исходя из того, что любой этнос имел не одного, а даже нескольких предков, он полагал, что предками русских были и древние русичи, и выходцы из Литвы и Орды, и местные финно-угорские племена²⁵. Также делались им попытки установить причины многих российских событий, источники и движущие силы нашего исторического развития, обобщить исторический материал и написать историю России как евразийской державы и установить ее место в мировом сообществе.

Сделав предметом своих исследований не только этническую, но и социальную историю России, Гумилев подчеркивал ведущую роль русского народа в создании Российской империи. При этом он выступал и против монголофобии («ненависти к монголам»), и против русофобии («ненависти к русским»)²⁶. Он постоянно боролся против узкого национализма, шовинизма, космополитизма, фашизма и прочих проявлений «эгоцентристской психологии». Не только в ранних статьях, о которых говорилось выше, но и в более поздних публикациях, таких как: «Миф и действительность» (1984), «Этнос, мифы и реальность» (1988), «Чем опасны мифы истории» (1988), «Мифы и реальность» (1989) и особенно — «Черная легенда: историко-психологический этюд» (1989), «Правда против мифа: из бесед и выступлений» (1995) и др., он опровергал самые разные предрассудки и боролся за восстановление чести и достоинства и русского, и тюркских, и монгольских народов, ратуя за естественное и необходимое братство всех народов.

²⁵ Гумилев Л. Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. М., 2000. С. 12.

²⁶ Там же. С. 10, 29.

От истории к современности. Пятая стадия — переход от истории Евразии и России к истории всего человечества, от знания исторических законов — к познанию универсальных законов развития человеческого общества, от истории людей — к истории природы, от истории — к современности. В широком смысле проблема человека ставилась Гумилевым всегда, но в последние годы он пытался решать общечеловеческие проблемы — взаимодействия людей и природы, в частности, проблему соотношения человека как носителя цивилизации с природной средой, стремясь понять, почему и как человек преобразил лик Земли²⁷? Пытаясь ответить на эти вопросы, он убедился, что при постоянном взаимодействии «истории природы и истории людей» неизбежно меняется и социальная и этническая психология, т. е. мотивы поведения и цели, на которые направлены усилия участников событий²⁸. Из понимания взаимодействия людей, живой и неживой природы вытекало его понимание единства истории людей и истории природы. Он было осмыслено в специальной статье «О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии (ландшафт и этнос: X)» и особенно в книге «Люди и природа Великой степи». Итогом явилось следующее заключение: «...Взаимодействие истории природы и истории людей — интерференция двух форм развития материи, осуществляющаяся в системах этносов и их исторических судьб. Явления природы оказывают влияние на хозяйственную жизнь народов; изобилие или оскудение определяют мощь той или иной страны, а иногда стимулируют переселения в области с благодатным климатом; в результате миграций происходит этническая метисация и, как ее результат, — этногенез. Этот процесс, лежащий в сфере природы, в истории коррелируется со спонтанным развитием человечества как целого, создающего и совершенствующего техносферу, на базе которой идет прогрессивное социальное развитие»²⁹.

Вершиной его исследований является анализ этносферы в специальных статьях «Этносфера как одна из оболочек Земли», «Этносфера и космос» и фундаментальном труде «Этносфера. История людей и история природы». В основу этих исследований был положен принцип, что «техно- и социосфера вообще не относятся к географической среде, хотя постоянно

²⁷ Гумилев Л. Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. С. 228.

²⁸ Его же. Ритмы Евразии... М., 2003. С. 563.

²⁹ Там же. С. 330–331.

взаимодействуют с ней»³⁰. Поэтому для ее исследования необходим союз исторической, географической и естественных наук, по его выражению, «третий блок наук», освещающий взаимоотношения человека, общества и природы.

Волновали его многие «острые» и «больные» вопросы, относящиеся к современности. Он прекрасно понимал, что для решения глобальных современных проблем необходимо знание универсальных законов развития человеческого общества и владение адекватными научными методами.

IV. Поиски методов

Убедившись, что для полноценных научных исследований существующих методов недостаточно, он поставил перед собой задачу — создать новый метод, с помощью которого можно было бы изучить обозначенный выше предмет во всей его сложности, полноте и глубине.

От монтажного метода к проблемному и панорамному. Первое критическое отношение к существовавшему методу исследования возникло у него еще в студенческие годы. Поступив на исторический факультет ЛГУ, он столкнулся с так называемым «монтажным методом»: «За время обучения в университете и аспирантуре будущему автору внушалась мысль, что его задача — выписать как можно больше цитат из источников, сложить их в каком-либо порядке и сделать вывод: в древности были рабовладельцы и рабы. Рабовладельцы были плохие, но им было хорошо, рабы были хорошие, но им было плохо. А крестьянам жилось хуже. Все это, конечно, правильно, но вот беда — читать про это никто не хочет, даже сам автор»³¹. Будучи убежден, что «наука, не ставящая проблем, превратится в бессмысленное коллекционерство»³², Гумилев самостоятельно пришел к *проблемному методу*³³, изложив

³⁰ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 211.

³¹ Там же. С. 27.

³² Там же. С. 32.

³³ Р. Коллингвуд в книге «*Idea of Nature*» L., 1946 (рус. пер. — «Идея истории». М., 1980), назвавший монтажный метод «методом ножниц и клея», дал название новаторскому методу — «логика вопросов и ответов», а А. Тойнби назвал такой метод проблемным. Согласно ему, всякое исследование является решением какой-либо сложной проблемы, на которую нет ответа. Решить большую проблему можно, лишь разбив ее на множество мелких вопросов, каждый из которых можно решить в том случае,

свое понимание в книге «Поиски вымышленного царства» в разделе «Преодоление филологии»³⁴. В ходе полемики выяснились четыре отличия его метода: 1) в отличие от филологов, довольствовавшихся работой с текстами и не ставивших и не решавших каких-либо проблем, Гумилев во всех своих трудах стремился давать ответы на вполне конкретные вопросы; 2) в отличие от исследований, сводившихся часто к переводу и пересказу текстов, свидетельствовавших о том, «как сказано» и «как написано», Гумилев ставил вопрос: «как было на самом деле», т. е. исходил из принципа объективности³⁵; 3) в отличие от историков, ставивших во главу угла «критику источников», у Гумилева шла речь о методе, позволявшем находить истину даже тогда, *когда не было источников*. Он исходил из того, что задача науки состоит не только в том, чтобы констатировать факты по источникам, а в том, чтобы путем анализа и синтеза устанавливать факты не известные и в источниках не упомянутые.

Гумилев предложил *панорамный метод*, включавший три уровня интерпретации событий под тремя углами зрения: первый — самый приземленный — «с позиции мышиной норы»; второй — повыше, с вершины холма; третий — глобальный, с высоты «птичьего полета», с позиции орла³⁶.

Что было особенно ценного в гумилевском «преодолении филологии»? Критикуя, он не отрицал филологический метод абсолютно, а искал в нем «рациональное зерно», сохраняя и приумножая знание языков, причем не как самоцель, не только как доказательство эрудиции и таланта ученого, а как метод изучения истории. Он ценил переводы, но не признавал заслуживающими доверия прямое цитирование или довольствование ссылками на текст. По его мнению, критическая обработка текста дает лишь полуфабрикат. Оценивая переведенные тексты

если решишь предыдущий. Ответив на первый, самый простейший вопрос, можешь ставить и отвечать на второй, более сложный. Ответив на второй, можешь ставить и решать третий, и т. д., пока не поставишь последний вопрос, ответ на который и будет решением поставленной задачи.

³⁴ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства... С. 5–20.

³⁵ Пошпер К. Р. — австр. и англ. философ и социолог, специалист по логике науки, проф. Родился в Вене в семье юриста, там же работал до 1937 г.; в 1937–45 гг. — в Новой Зеландии, с 1946г. — в Лондоне. Стоя на позициях критического рационализма, выступил с критикой историцизма, создал теорию роста научного знания и разработал методологический принцип фальсификации.

³⁶ Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992. С. 14.

как «сырье, требующее обработки», он провозглашал две стадии исследования: первую — анализ, проводимый путем синхронистического подбора фактов, вторую — исторический синтез³⁷. По его мнению, только сводка достаточно большого числа фактов позволяет начать поиски логики событий, т. е. их внутренней связи. Обнаружение связей дает возможность проникнуть в глубину закономерностей, позволяющих установить связь времен и пространств. Эта многоступенчатость познания, несомненно, затрудняет ход исследования, но только этим сложным путем можно ответить на вопросы: как и почему появляются и исчезают народы? Чем, кроме внешних признаков, вроде языка и традиций, они отличаются между собой? Где в человеке проходит граница между общественной и биологической формами движения материи? И каковы истинные взаимосвязи человеческих коллективов с природой? Он понимал, что для ответа на эти вопросы нужны другие масштабы исследования.

От этнографического метода к этнологическому.

На вторую ступеньку он поднялся, работая в области этнической истории, где изменился не предмет изучения, а подход и, соответственно, методика. По вопросу о вкладе Гумилева в этническую историю, существуют две крайние точки зрения. Сторонники одной (С. А. Абдыманапов, Р. К. Бариев, Ж. А. Еремекбаев и др.) отмечают большие заслуги его в понимании этноса, этнологии, теории этногенеза. Сторонники другой (В. А. Тишков, В. А. Шнирельман, А. Л. Янов и др.) считают это мифотворчеством. Разобраться, где тут мифы, а где правда — задача, решение которой, по мнению самого Гумилева, зависит от понимания метода и методики этнических исследований. Начал он решать эту задачу с пересмотра этнографического метода и кончил обобщением этнологического. По сравнению с этнографическим этнологический метод имеет три особенности:

а) если этнографический метод есть способ *описания* этнических явлений, то этнологический метод есть способ их *объяснения*, указывающий движущие силы этнических процессов;

б) если этнографический метод — *эмпирический* (констатация фактов), то этнологический метод — *теоретический*, обобщающий;

в) если этнографический метод констатирует *различия* этносов, то этнологический метод выявляет их *сходства*.

Л. Н. Гумилев разработал методику обобщения, включающую три фазы: начальная — эмпирическое обобщение, сред-

³⁷ Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1991. С. 18.

няя — теоретическое обобщение, и высшая — философское обобщение. Эмпирическое обобщение строится на уже собранных и проверенных фактах. Средняя стадия осмысления проблемы — сведение материала в систему. Высшая — построение философской концепции. Надо сказать, что в исследованиях Гумилева присутствуют все три стадии обобщения, но в этнологии главным он считал теоретическое обобщение³⁸.

Этнологический метод Гумилев сравнивал с криминалистическим: «Подобно тому, как хороший сыщик использует не только рассказы свидетелей, но и состояние погоды в момент преступления, мотивы и черты характера преступника и жертвы и, главное, вспоминает примеры аналогичных поступков, стремясь уловить отклонения от закономерности, так и этнолог вправе учитывать географию, этническую и личную психологию, фазы этногенеза и моменты смещений закономерности при контактах. Расширяя горизонты темы и отсложив факты от источника, этнолог может уловить связи событий, их внутреннюю логику и добиться результатов, интересных и ему самому, и читателю»³⁹.

С помощью этнологического метода Гумилеву удавалось выяснять причины появления многих этносов, понимать источники и движущие силы этнической истории, открывать некоторые статистические закономерности. Пользуясь этим методом, он обобщил сорок «индивидуальных кривых этногенеза», характерных для разных этносов. Но этого оказалось мало. И в теории, и на практике он убедился, что для открытия исторических закономерностей, а тем более универсальных законов, ни этнологического метода, ни этнической истории недостаточно. «Но на поставленный нами вопрос: почему и как человек преобразил лик Земли? — констатация сходств и различий ответа не дает. Поэтому продолжим “поиск истины”, как древние эллины именовали исторические исследования»⁴⁰.

От исторического метода к историко-географическому. На третью ступеньку Гумилев поднялся, переходя к исторической науке, полагая, что проблема этногенеза лежит на грани исторической науки, которая может предоставить не только «обильный материал», но и проверенный временем *исторический метод* — «метод наглядного обозрения исторической действительности на протяжении тысячелетий, следовавшего

³⁸ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 49.

³⁹ *Его же.* Ритмы Евразии... С. 508.

⁴⁰ *Его же.* Этногенез и биосфера Земли. С. 228.

за «осевым временем»⁴¹. Верный этому методу, он начал с критики историзма, который понимался тогда в духе «классического историзма» — как «путь академического разбора мелочей, в котором легко утонет любой спор»⁴². Ознакомившись с существующей методикой исторического исследования, он критически (и иронически) описывал различные занятия историей: «1. Публикация и перевод древних источников — занятие необходимое, но дающее только сырье. 2. Историческая критика, отсеивающая сознательную, а иногда и неосознанную ложь древних авторов, — получение полуфабриката. 3. Сопоставление добытого материала с накопленным ранее — это уже продукт, но еще не предмет потребления. 4. Интерпретация данных в плане поставленной проблемы. 5. Постановка новых проблем, выходящих на стык наук»⁴³. Заканчивалось это перечисление следующим утверждением: пройти этим путем может далеко не каждый, но другого пути нет. Это путь, которым должен овладеть каждый историк, научное ремесло, помогающее находить доказательства правильных тезисов, раскрывать ошибки в сборе первичных данных и улавливать нарушения логических построений. Это все как будто просто, но на самом деле каждое, даже самое простенькое обобщение требует такого душевного подъема и накала чувств, при котором мысль плавится и принимает новую форму, сначала поражающую, а потом убеждающую искреннего читателя. И дело не в том, каким ходом мысли или подбором аргументов доказан тезис: это кухня научного ремесла, знать которое, конечно, надо, но одного знания мало. Это таинство психологии творчества, которое древние греки приписывали музе истории — Клио»⁴⁴.

Отвергнув существующие варианты классического историзма («абсолютного», «чистого» и пр.), Гумилев стал понимать историзм как часть диалектического принципа развития, с помощью которого все наблюдаемые факты укладывались в динамическую систему исторического прогресса, и исследователю оставалось только анализировать ту часть всемирной истории, которая была непосредственно связана с его тематикой. Следствием критики классического историзма и применения диалектики явилась гумилевская позитивная характеристика методики исторического исследования: «...Методическая

⁴¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 411.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 407.

⁴⁴ Там же. С. 298.

цепь четырехчленна: 1) как (написано)? 2) что (было на самом деле)? 3) почему (произошло именно так)? 4) что к чему? — завершенный продукт производства»⁴⁵. С помощью такого исторического подхода ему удавалось не только выяснить причины исторических событий, источники и движущие силы исторического развития, но и понять главное — смысл происходящего («что к чему?»). А это удавалось далеко не каждому историку. Данную методику Гумилев применил в статье «Несторианство и Древняя Русь» и в книгах «Поиски вымышленного царства» и «Древняя Русь и Великая степь». В них он подчеркивал значение исторического метода, позволявшего осмыслить уже нащупанный эталон исторического бытия — историческую целостность. Эти цепочки имеют начала и концы, т. е. здесь имеет место вспышка с инерцией, затухающей от сопротивления среды. Вот механизм, по его мнению, объясняющий все наблюдения и обобщения. Откуда берутся вспышки и почему инерционные процессы так удивительно похожи друг на друга? — спрашивал он и отвечал: на этот вопрос должна ответить всемирно-историческая концепция, но средства, которые имеются у исторической науки, дают возможность только описать его. Для гуманитарной науки описание — предел, а истолкование путем спекулятивной философии в наше время не удовлетворит никого. В книге «От Руси до России» он подтвердил вывод о границах исторической науки: если этническая история состоит из «начал» и «концов», то социально-политическая история фиксирует «концы» (обрывки традиций) и «начала» (вспышки пассионарности), зачинавшие новый этногенез⁴⁶. Именно отсюда у него следовал вывод: в рамках одной только исторической науки невозможно ни открытие всеобщих универсальных закономерностей, ни решение актуальных проблем современности, это можно сделать только в союзе с другими науками, в частности с географией.

По вопросу о союзе истории с географией тоже не было единства. Исторически сложилось два крайних подхода: одни преувеличивали его значение, другие отрицали его. Предлагаемый Гумилевым подход был диаметрально противоположен и тому, и другому. Сталкиваясь с тем, что «применение географии к решению отдельных исторических проблем встречало то полное сочувствие, то злобные нарекания»⁴⁷,

⁴⁵ Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. С. 12.

⁴⁶ *Его же*. От Руси до России... С. 12.

⁴⁷ *Его же*. Этногенез и биосфера Земли. С. 202.

он обосновывал необходимость союза истории с географией. Вряде работ он дал четкое определение методов этих наук: история — способ изучения свойств и событий во времени («связь времен»), география — способ изучения событий в пространстве («связь пространств»); историческая география — способ совмещения времени с пространством. Так он довольно четко определял время и место применения географических методов в исторической науке и время и место применения исторических методов в географии: «Значит, изучая этногенез (возникновение и исчезновение этносов) как природный процесс, протекающий в биосфере (одной из оболочек планеты Земля), исследователь применяет методы географии, а составляя этническую историю региона, он пользуется традиционными методами исторической науки, лишь добавляя к ним данные географии, разумеется, не школьной, а современной, научной, где ставятся вопросы о локальных особенностях антропогенных биоценозов, микромутациях, изменяющих только поведенческие признаки человека, и сукцессиях, связанных с миграционными процессами»⁴⁸. Конкретизируя историко-географический метод, Гумилев разработал специальный «метод суперэтнической диагностики»⁴⁹.

От евразийского подхода к естественнонаучному методу. Поиски привели его к евразийцам, которые сформулировали пять основных методологических принципов:

– евразийский подход, означавший введение в научный оборот понятий «Евразия», «евразийство», цель которого, по определению Савицкого, «создать новую русскую идеологию, способную осмыслить происшедшие в России события и указать молодому поколению цели и методы действия»;

– опровержение европоцентризма и утверждение полицентризма: «Евразийский полицентризм предполагает, что таких центров много. Европа — центр мира, но и Палестина — центр мира. Иберия и Китай — то же самое и т. д. Центров много, число их можно подсчитать по сходству ландшафтов»⁵⁰;

– найденный Савицким методологический принцип, связанный с климатом⁵¹;

– пути гуманитарного самопознания, сформулированные Н. С. Трубецким, «евразийский тезис: надо искать не столько

⁴⁸ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 297–208.

⁴⁹ *Его же.* Ритмы Евразии... С. 179.

⁵⁰ Там же. С. 25, 26.

⁵¹ Там же. С. 24.

врагов — их и так много, а надо искать друзей, это самая главная ценность в жизни. И союзников надо искать искренних»⁵².

Сопоставляя методологические принципы Гумилева и евразийцев, раскрывая их общие и особенные черты, нельзя не признать их несовпадение по временным и пространственным координатам. Сам Гумилев утверждал, что он многое усвоил самостоятельно, размышляя над вопросами, которые волновали и евразийских теоретиков. Высоко оценивая евразийские идеи и методологические принципы, он открыто признавался в своих симпатиях к евразийцам и не возражал, когда его самого называли «последним евразийцем»: «Когда меня называют евразийцем, я не отказываюсь от этого имени по нескольким причинам. Во-первых, это была мощная историческая школа, и если меня причисляют к ней, то это делает мне честь. Во-вторых, я внимательно изучал труды этих людей. В-третьих, я действительно согласен с основными историко-методологическими выводами евразийцев»⁵³. Но, соглашаясь с указанными методологическими принципами, он не только соглашался, но и дополнял, развивал их. Разрабатывая понятие «Евразия» в таких трудах, как «Из истории Евразии», «Ритмы Евразии» и др., он распространял его не только на Россию, но и на Европу и Азию, и на другие континенты. Соглашаясь с принципом полицентризма, он не просто опровергал европоцентризм и ратовал за полицентризм, а в отличие от евразийцев доказывал, что число центров определяется числом ландшафтов и, в принципе, каждый этнос может выступить исходным центром. Подчеркивая влияние климата на развитие этносов, он стремился уже в ранних работах установить непосредственную связь исторических событий с изменением климата. Его теоретические выводы, подтвержденные данными, полученными во время археологических раскопок в дельте Волги и в других регионах, помогают понять происходящие в последние годы климатические катастрофы в масштабе всей планеты.

Гумилев пришел к важному умозаключению: для правильного понимания истории человечества и для решения глобальных проблем современного мира необходим междисциплинарный подход⁵⁴. Осознание необходимости применения в исторической науке естественнонаучного подхода вытекало у него из понимания связи истории и природы. Он писал об этом

⁵² Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии... С. 29.

⁵³ Там же. С. 24.

⁵⁴ Там же. С. 26.

в специальной статье «О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнографии» и в книгах «Люди и природа Великой степи» и «Этногенез и биосфера Земли». Нельзя вырвать человечество из природной среды, и историк должен принимать во внимание природные явления. Островное положение некоторых стран, северные или южные широты, в которых обитают те или иные народы, наличие морских или речных торговых путей, количество и многообразие природных ресурсов, численность и плотность народонаселения, массовые эпидемии, стихийные бедствия — все эти факты природного характера историк не имеет права игнорировать. Из разъяснений Гумилева следует: если с помощью этнографического метода возможно познание фактов; этнологического метода — статистических этнических закономерностей; исторического метода — исторических закономерностей, действовавших на определенных фазах исторического развития; историко-географического метода — законов, действующих во времени и пространстве, то с помощью естественнонаучного подхода возможно установление универсальных законов, действующих в природе и обществе, и глобальных законов, действующих на Земле и в Космосе.

Что нового было в таком гумилевском подходе? Все основатели географического детерминизма стремились раскрыть закономерности, присущие человеческому обществу, путем установления зависимости народного характера от географической среды. Исходным моментом в подобных построениях была античная идея о влиянии природы на психику человека, на народный характер и через это на судьбы народов. В дальнейшем сложилось два крайних подхода в решении этого вопроса: географический детерминизм, преувеличивавший это влияние, и географический нигилизм, отрицавший его. Предлагаемый Гумилевым подход был диаметрально противоположен и географическому детерминизму, и географическому нигилизму. Итогом его рассуждений явился вывод: история, как двуликий Янус, пользуется гуманитарными методами там, где предметом изучения являются творения рук и умов человеческих, и естественными методами — там, где изучается взаимосвязь человека с природой⁵⁵. Благодаря естественнонаучному подходу, обоснованному в книгах «Этносфера: история людей и история природы», «Этногенез и биосфера Земли» и др., стало возможно применение системного метода в общественных науках.

⁵⁵ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 402.

От системного метода к синергетическому подходу.

Системному методу Гумилев придавал особое значение, хотя отношение к нему постепенно менялось. Вначале он ставил вопрос о простом применении системного подхода к истории, для которой нужен особый параметр — координата времени⁵⁶. Историки издревле изучали временные процессы, но что такое время — не знали, хотя и понимали, что история имеет дело только с процессами умирания, при которых сущее становится прошлым⁵⁷. Гумилев утверждал, что применение системного подхода является одним из наиболее эффективных способов исторического синтеза. И, наконец, необходимость применения системного метода в современной науке Гумилев объяснял потребностью в систематизации накопленного материала. Дифференциация научного знания неизбежна, следовательно, надо искать способы его интеграции знаний. На этот путь уже встали естественные науки, особенно после появления кибернетики и системологии. Применение системного подхода в этнологии является большой заслугой Гумилева. В отличие от Ю. Бромлея, в общем-то не возражавшего против системного подхода, но воспринимавшего этнос как совокупность людей, наделенных общими чертами, Гумилевым было установлено, что этническая система основана не на сходстве входящих в него людей, а на устойчивости связей. Для Гумилева этнос, как системное явление, проявляет себя через социальные формы, ибо его хозяйственная деятельность всегда связана с кормящим ландшафтом. Этнос не относится ни к биологической форме движения материи (как раса или популяция), ни к социальной (как государство или социальная структура), но объединяет их, являясь первичной формой существования *Homo Sapiens*. Поэтому феномен этноса находится на пересечении природного, социального и культурного. В этом тезисе сказались влияние идей С. М. Широкогорова на Гумилева, который высоко оценивал вклад своего предшественника, хотя, разумеется, и критиковал отдельные устаревшие положения его концепции. Гумилев, признавая, что реально существующим фактором системы являются связи и отношения между ее элементами, сделал важный вывод: «Чем сложнее организм, тем больше факторов определяет усложнение его системных целостностей и тем многообразнее их проявления в видимой

⁵⁶ *Его же*. Ритмы Евразии... С. 35.

⁵⁷ *Его же*. Этногенез и биосфера Земли. С. 406.

истории»⁵⁸. Из этого вывода вытекало структурное правило — более сложные системы построены по принципу иерархии: подсистемы образуют системную целостность — суперсистему, суперсистемы — гиперсистему. Исходя из того, что системный подход нужен историкам прежде всего как способ систематизации огромного и разнородного исторического материала, он утверждал, что без системного подхода учение об этносе заходит в тупик. Попытки определить этнос через ряд признаков (язык, культура, территориальное единство, общность экономической жизни, самоназвание и пр.) постоянно терпели неудачу, так как не удавалось выявить основной признак, к которому бы сводилась сущность этноса (это оказалось невозможным потому, что совокупность признаков не определяет ничего, кроме рассматриваемого в данный момент объекта; Гумилев посчитал самой существенной связью — признание человеческим коллективом своего единства: «мы такие-то», а все прочие — «не мы» (другие).

Применение системного подхода наложило отпечаток на его понимание этноса и суперэтноса. Заявление, что этносы имеют системную природу, означало, что в основе этноса лежит не похожесть особей, его составляющих, а связи, цементирующие коллектив и простирающиеся на природные особенности населяемого данным коллективом ландшафта. Этнос — система, состоящая не только из особей, разнообразных как генетически, так и функционально, но и из продуктов их деятельности в течение многих поколений: техники, антропогенного ландшафта и культурной традиции. Этнос — не зоологическая популяция, а системное явление, свойственное человеку и проявляющее себя через социальные формы, в каждом случае оригинальные, ибо хозяйство народа всегда связано с кормящим ландшафтом. Наряду с пространственными связями этнос формируется связями временными, т. е. традицией. Как всякая системная целостность, этнос бесконечно делим на субэтнические единицы: подсистемы (субэтносы), звенья (консорции), блоки (конвиксии), элементы (люди). Все это части целого, не могущие существовать вне целого. Системный подход позволил ему дать строгое определение понятию «этногенез», который он понимал как постоянно идущий природный процесс возникновения и уничтожения этносов, а видимые и известные в истории этносы посчитал фазами этногенеза. Но поскольку этносы возникают и исчезают не синхронно, то он этническую историю счел

⁵⁸ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 123.

«серией дискретных этногенезов, постоянно взаимодействующих друг с другом»⁵⁹.

Изучив с помощью системного метода процессы этногенеза, Гумилев на вершине своего творчества смог перейти к синергетическому осмыслению истории. Суть его он разъяснил в работах «Конец и вновь начало», «География этноса в исторический период», «Слово о науке», «Эволюция или диссипация?». В этнической истории развитие осуществляется дискретными переходами от равновесия (этнического гомеостаза) к неравновесию (процесс этногенеза) и обратно. Происходит чередование устойчивости и неустойчивости поведения этнических и суперэтнических систем. Каждая вновь возникающая система ведет себя по-другому, чем предыдущая, уже растратившая свой первоначальный импульс. Импульс служит началом процесса диссипации, ведущей систему к неизбежному распаду. Древние этносы — все это следы былых диссипаций. Лимит диссипации — равновесное состояние этнической системы со средой (гомеостаз), т. е. утрата резистентности, для которой не остается энергетических ресурсов. Вот почему большей части этносов, живших и творивших в исторический период, уже не существует. Этносистемы распались на части, которые затем интегрировались в новые системы. Объяснял он это тем, что кроме известных форм движения времени (поступательной и вращательной) есть еще колебательная форма, подобная затухающему движению маятника. Затрата энергии импульса от сопротивления среды и ее рассеивание — это не что иное, как диссипация, которую мы наблюдаем в биосфере Земли. Изменение потенциала описывалось им сложной кривой подъемов, спадов и зигзагов. В своих поздних работах Гумилев одним из первых среди гуманитариев начал применять синергетический подход при изучении процессов самоорганизации и саморазвития этнических систем⁶⁰. Многие специалисты обратили внимание на сходство закономерностей самоорганизации сложных систем, которые И. Р. Пригожин⁶¹ выявил в теории диссипативных систем,

⁵⁹ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии... С. 542.

⁶⁰ *Его же*. Эволюция или диссипация? // Известия ВГО. 1990 г. Т. 122. Вып. 1. С. 10. 11.

⁶¹ Пригожин И. Р. — бельг. и амер. физик и химик. Родился в Москве в семье фабриканта, окончил Брюссельский Свободный университет и с 1942 г. там же преподавал (с 1947 г. — проф.). С 1962 г. — директор Международного института физики и химии; с 1967 — директор научно-исслед. центра по статистической механике и термодинамике в Техасском

а Гумилев развил в общей теории этногенеза. Анализируя процесс этногенеза, Гумилев отмечал: «Наблюдаемая в природных процессах вспышка энергии (отрицательной энтропии) с последующей ее растратой представляет собой универсальный механизм взаимодействия системы со средой. Эта универсальность, доказанная И. Пригожиным для микрообъектов, в географии описывается как движение на популяционном уровне»⁶². В соответствии с этим «на биосферном уровне развитие осуществляется не эволюционно, а дискретными переходами — от равновесия к неравновесию и обратно. Возникающая структура всегда ведет себя иначе, нежели прежняя, уже растратившая первоначальный импульс и близкая к равновесию со средой. Значит, импульс — начало процесса *диссипации*, ведущей систему к неизбежному распаду»⁶³. Таким образом он ответил на вопрос, почему большая часть этносов, живших и творивших в исторический период, сегодня уже не существует: «Этносистемы разваливались на части, на обломки и пылинки, т. е. отдельных людей, которые затем интегрировались в новые системы в обновленных ландшафтах с новыми традициями»⁶⁴.

Столь плодотворная научная идея родилась почти одновременно в середине 1960-х — начале 70-х годов сразу у нескольких ученых, действовавших абсолютно независимо друг от друга, исследовавших совершенно разный исходный материал и использовавших при этом различные методы его изучения. И в результате — удивительное сходство обобщающего описания динамики рассматривавшихся ими процессов, которое легко можно обнаружить, читая их работы. Это само по себе наводит на мысль о родстве и универсальности алгоритмов и законов самоорганизации сложных систем любой природы и любого таксономического уровня иерархии мироздания, обладающих, естественно, собственной спецификой их проявления. Однако основоположники синергетики сконцентрировали все свое внимание прежде всего на том,

университете (США). Член и президент Королевской академии наук Бельгии и мн. других академий мира. Лауреат Нобелевской премии 1977 г. за «работы по термодинамике необратимых процессов, особенно за теорию диссипативных структур». Изобретатель, автор теоремы неравновесных процессов (теоремы Пригожина), один из инициаторов применения синергетического метода в биологии и социологии.

⁶² Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. С. 238.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 240.

как происходит самоструктурирование сложных систем и осуществляются взаимопереходы порядка и хаоса. В отличие от них, Гумилев обратил все свои силы на исследование выявленных им факторов самоорганизации этнических систем, т. е., иными словами, не только на то — *как*, но и *почему* совершаются процессы саморазвития в этнических целостностях. Он предложил рассматривать исторический процесс не в виде прямой линии, а в виде пучка нитей, переплетенных между собой и взаимодействующих друг с другом. И этот «пучок», по Гумилеву, поддается изучению только с помощью системно-синергетического подхода.

Этот подход превосходил предшествовавшие методологические принципы: монизм (один метод), дуализм (два метода), плюрализм (множество методов). В синергетике к плюрализму добавляется холизм (гр. *holý* — целое, по Аристотелю: «целое больше простой суммы своих частей»); вариантами его у разных народов являлись: акупунктура (кит. *вей+у-вей*), означающая врачебное искусство (иглоукальвание) с помощью минимальных усилий достигать максимальных результатов; японское *дим-мак* — умение концентрировать энергию, собирать ее в пучок и воздействовать им на определенные точки тела; римский *fascist* — связка, пучок). В итоге системно-синергетический подход к истории стал означать применение целой системы методов, дополняющих друг друга и усиливающих действие их в одном направлении.

Итак, пройдя путь поисков метода от проблемного к панорамному, от этнографического к этнологическому, от исторического к историко-географическому, от евразийского к естественнонаучному, от системного метода к синергетическому подходу, Гумилев смог создать свой оригинальный альтернативный метод⁶⁵.

Альтернативный подход к материалу. Сравнительный анализ показывает, что этот его метод не совпадал ни с одним из классических методов (объективистским и субъективистским, неокантианским и позитивистским, идеалистическим и материалистическим; чисто европейским или чисто азиатским взглядом на историю) и в то же время он был в чем-то близок каждому из них, точнее, вобрал в себя лучшее, что было в каждом из них. Гумилевский метод, противостоящий известным классическим подходам, характеризуется следующими чертами:

⁶⁵ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии... С. 185.

– объективный анализ, учитывающий объективные и субъективные стороны человеческой деятельности (активность, страсть, возбуждение, стремление к идеалу);

– проблемный метод как альтернатива монтажному «методу ножниц и клея»;

– панорамный метод, с помощью которого дается многоуровневая интерпретация исторических событий и личностей (от позиции мышины норы до космических высот);

– рациональный взгляд на историю как альтернатива философско-религиозному подходу и образно-символическому, иррациональному способу видения истории;

– историко-географический метод, представляющий синтез исторического метода («связь времен») с методами географии («связь пространств»);

– естественнонаучный подход, позволяющий устанавливать факты, не известные и в источниках не упомянутые как альтернатива филологическому методу;

– анализ позитивный (без апологетики существующего строя) и критический (отрицание с удержанием положительного) как альтернатива позитивистскому и неокантианскому («идиографическому», «индивидуализирующему») методам;

– этнологический метод, позволяющий на основе синтеза устанавливать сходство этносов и открывать закономерности их развития как альтернатива этнографическому подходу;

– системный метод, при котором за единицу исследования принимаются системы взаимосвязанных фактов, учитывается их естественная логика развития и производится моделирование исторической ситуации;

– синергетический подход, означающий применение множества методов, дополняющих друг друга и усиливающих их взаимодействие в одном направлении.

Разумеется, применение этого метода связано с преодолением определенных трудностей, на что указывал сам автор⁶⁶.

V. Теория этногенеза

Необходимость создания новой теории этногенеза определялась рядом объективных и субъективных факторов, а именно отсутствием теоретического обоснования этнической истории, которая была до недавних пор эмпирической наукой, сводящейся часто, по словам Гумилева, к «калейдоскопу дат», «калейдоскопу

⁶⁶ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 160–161.

отдельных фактов», «калейдоскопу случайностей», во-первых; во-вторых, кризисным состоянием марксистской теории (классовой борьбы, отмирания государства, научного коммунизма и др.), которые к середине XX в. исчерпали свой творческий потенциал; в-третьих, несостоятельностью идеалистических теорий типа теории «героев» и «толпы» и др.; в-четвертых, неэффективностью позитивистских социологических теорий (теории личности, теории стратификации, эволюционной теории общественного прогресса и др.), носивших линейный характер и не отвечавших требованиям, предъявляемым к теориям в середине и второй половине XX в.; в-пятых, потребностью в обновлении категориального аппарата, в частности, понятий «этнос» и «этногенез», которые носили неопределенный характер, проявившийся во время дискуссий в конце 60-х — начале 70-х и 80-х гг. XX в.

Л. Н. Гумилев шел к созданию новой теории в течение двадцати лет. Сущность этой теории изложена, главным образом, в его докторской диссертации «Этногенез и биосфера Земли», где сформулированы и подробно развиты ее основные положения: учение об этносе, о стадиях развития этноса, об этнической иерархии, об этнических контактах, о пассионарности. Здесь же уточнялось значение основных понятий, составляющих категориальный аппарат данной теории: антропосфера, этносфера, этнос, суперэтнос, субэтнос, консорция, конвиксия⁶⁷.

Размышляя, с каких понятий начать, он решил начать *ab ovo* (подобно грекам, начинавшим есть с яйца и заканчивавшим фруктами) — с этноса. Он считал необходимым сначала условиться о значении понятия «этнос», а затем уже путем анализа раскрыть его содержание, не отрицая значения таких признаков, как язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология и пр.⁶⁸ Новым здесь явилось не столько введение в научный оборот понятия «этнос» (оно было известно задолго до Гумилева, о нем упоминалось еще в Илиаде Гомера, в Псалтыре Давида, в статьях П. И. Кушнера и С. М. Широкогорова)⁶⁹, сколько новое определение и понимание сущности, генезиса и структуры этноса.

Что действительно нового было в гумилевском понимании этноса? Новой явилась, прежде всего, постановка вопроса

⁶⁷ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 160–161.

⁶⁸ Его же. Этносфера... С. 40–41.

⁶⁹ Дискуссионные материалы опубликованы в периодич. печати, см.: Природа. 1970. № 2; 1971. № 2.

о сущности этноса: в отличие от материалистов, которые главным вопросом обращали внимание на то, «что и как люди производят», и от идеалистов, ставивших вопрос, «что и как люди думают?», Гумилев подошел к проблеме по-иному: «как вели себя люди в разные эпохи и в разных природных условиях?» и увидел отличие одного этноса от другого не в способе производства и не в культуре, сознании или «уровне образования», а в *способе поведения*, или *стереотипе поведения*⁷⁰. Этот взгляд на этнос был изложен им в цикле статей: «О термине этнос», «Этнос как явление», «Этнос — процесс или состояние», «Этнос и ландшафт», «Этнос и категория времени» и др.

Такое понимание сущности этноса вызвало противоположные оценки (*pro et contra*) в ходе дискуссий, развернувшихся в 70–80 гг., в которой приняли участие М. И. Артамонов, Ю. В. Бромлей, О. А. Дроздов, Ю. К. Ефремов, В. Н. Куренной, Б. И. Кузнецов, Б. Н. Семеvский и др. Так, Ю. В. Бромлей опубликовал четыре статьи: «К характеристике понятия “этнос”», «К вопросу об узком значении понятия “этнос”», «К вопросу о сущности этноса», «Этнос и эндогамия», затем издал три монографии: «Этнос и этнография» (1973), «Современные проблемы этнографии» (1981), «Очерки теории этноса» (1983), в которых предложил свою, отличную от гумилевской, теорию этноса, весьма распространенную в советской этнографии. «Против» Гумилева выступил также В. И. Козлов со статьями «Что же такое этнос?» и «О биолого-этнической концепции этнической истории», в которых обвинил Гумилева в биологизме и географическом детерминизме. Аналогичные обвинения только в еще более грубой форме прозвучали в статьях А. Кузьмина «Хазарские страдания» и «Священные камни памяти», в которых он расхваливал роман-эссе Владимира Чивилихина «Память» и бранил Гумилева, попирая его честь и достоинство. Сам Гумилев считал недостойным занятием «спорить на научные темы на уровне низкопробных острот и нечистоплотных намеков» или опровергать такие способы ведения полемики, как «искажение взглядов оппонента и затем опровержение собственных искажений». «За» него вступились его ученики Ю. К. Ефремов, А. И. Куркчи, К. П. Иванов. В полемику с последним вступили Я. Г. Машбиц и К. В. Чистов со статьей «Еще раз к вопросу о двух концепциях “этноса”», направленной против гумилевских идей.

Полемика разгорелась по вопросу о природе этноса, который определялся большинством названных авторов либо как

⁷⁰ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии... С. 34.

природное, либо как социальное, либо как духовное явление. Гумилев, опровергая крайности, определял этнос как био-психо-социальное явление, взятое в органическом единстве биологических, психологических и социальных компонентов. Понятие «этнос», по Гумилеву, элементарное понятие, не сводимое ни к социальным, ни к биологическим категориям: «Этнос — не зоологическая популяция, а системное явление, свойственное только человеку и проявляющее себя через сознание, через социальные формы, в каждом случае оригинальные»⁷¹. По его мнению, спор о том, что является первичным при образовании этноса, биологическое или социальное, подобен спору о том, что первично в яйце: белок или скорлупа. Ясно, что одно без другого невозможно, и поэтому диспут на эту тему беспредметен⁷².

Новым также явилось понимание структуры этноса в этнической иерархии. *Этносы*, по Гумилеву, являются основным параметром и субъектом истории; они существуют в пространстве и времени как действующие лица в театре истории. Под этносами им подразумевались коллективы людей, противопоставляющие себя другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчета, а из чувства комплиментарности — подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющего противопоставление «мы — они» и деления на «своих» и «чужих». Понятие «этнос» Гумилевым конкретизировалось и дополнялось понятиями *субэтнос*, *суперэтнос*, *гиперэтнос*, *этнос-изоляция*, *этнос-персистент* и др. «Каждый этнос включает в себя субэтносы — мелкие группы, отличающиеся друг от друга иногда языком, иногда религией, иногда родом занятий, но всегда стереотипом поведения»⁷³. **Субэтнос** — подсистема этноса, выделяющаяся внутри этноса своим стереотипом поведения и противопоставляющая себя другим этносам путем комплиментарности. Последняя определялась им как неосознанная и неопределенная какими-либо видимыми причинами симпатия или антипатия различных этносов и даже отдельных персон к другим этносам. Возникая как безотчетное чувство приязни или неприязни, она может быть положительной или отрицательной⁷⁴. **Суперэтнос** — этническая система, состоящая из нескольких этносов, возникших и проживавших в одном регионе. «Суперэтносы — долго, но не

⁷¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 388, 225, 227, 389.

⁷² Там же. С. 265.

⁷³ Его же. Ритмы Евразии... С. 34.

⁷⁴ Его же. Конец и вновь начало. С. 14.

вечно живущие этнические системы. Их границы подвижны не только в пространстве, что связано с крупными вековыми вариациями климата, но и во времени⁷⁵. Суперэтноты обычно предстают в истории как мозаичная целостность, например, Византия — суперэтнос, состоявший из греков, египтян, сирийцев, грузин, армян, славян, возникший в результате толчка в I в. н. э. и просуществовавший до XV в.

Новизной отличалось и гумилевское понимание роли этнических контактов. В отличие от советских историков, которые определяли роль контактов либо положительно (конструктивно) (Р. Ф. Итс), либо отрицательно (Ю. Бородай)⁷⁶, Гумилев соглашался с теми, кто утверждал, что взаимные ассимиляции нужны, и подчеркивал, что при создании чего-то нового, например, нового ребенка, обязательно нужны двое (мужчина и женщина), т. е. необходима какая-то смесь. Выделяя в ходе исследований три основных варианта этнических контактов: а) симбиоз (взаимопользительный), б) химера (негативный), в) ксения (нейтральный), Гумилев пришел к выводу о возникновении в результате пассионарного толчка и слияния различных представителей этнических субстратов новой этнической общности, когда новые этносы возникают не путем дробления старых, а путем синтеза уже существующих этнических субстратов. Как отмечал Гумилев, каждый народ хранит в себе прошлое, и чтобы ладить с иноплеменниками, надо уважать их этническую уникальность и предвидеть их реакцию на каждое необдуманное слово или поступок. Ведь сколько сегодня конфликтов происходит из-за взаимного непонимания или ложной уверенности, что все люди одинаковы. Признание полицентричности современного мира, множественности самобытных культурных миров, их равноправного взаимодействия — это единственное возможное направление современного глобального развития, которое позволяет найти и осознать себя в большом глобализирующемся мире, а также найти и сохранить все ценное в самобытных культурах различных народов, используя весь накопленный культурный опыт человечества и не допуская вреда окружающему миру.

⁷⁵ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии... С. 177–178.

⁷⁶ Советские этнографы придерживались двух точек зрения. Согласно первой, этносы возникают при тесном сожительстве вследствие взаимной ассимиляции перенесенных этнических субстраций (Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1974. С. 43–46). Согласно другой, этнические контакты не способствуют образованию новых этносов (Бородай Ю. М. Этнические контакты и окружающая среда // Природа. 1981. № 1 (9). С. 88–91).

Этногенез является центральным понятием гумилевской теории. Сущность его подробнейшим образом изложена в гумилевских статьях: «Этногенез в аспекте географии», «Этногенез и историческая география» «Этногенез и этносфера», «Этногенез — природный процесс», «Внутренняя закономерность этногенеза» и подытожена в книге «Этногенез и биосфера Земли». В этих работах дается качественно новое определение этногенеза, под которым понимается не только процесс образования этноса, но весь процесс дальнейшего существования этноса до самого распада.

Первый период этногенеза связывался Гумилевым с механизмом мутации, в результате которой возникает этнический «толчок», ведущий затем к образованию новых этносов. Неоднократно проследивая «начальный пусковой механизм» или «пусковой момент» рождения этноса, он соотносил его с инкубационным периодом формирования нового этноса, который подразделялся на скрытую и открытую (явную) части. Началом этого периода считалось формирование стереотипа поведения этноса, концом — создание своей этнической доминанты и этнической системы. В отличие от летописцев, которые интересовались тем, как исчез тот или иной могучий народ, и от этнографов, описывавших влияние на образование новых этносов изменение природных условий, Гумилев поставил вопрос иначе: почему одни этносы возникали, а другие гибли в аналогичных условиях? Рассматривая возможные причины возникновения и гибели этносов, он принимал во внимание внешние причины (например, космическое излучение), но главными считал внутренние причины.

При описании процесса этногенеза Гумилев, в отличие от О. Шпенглера и А. Тойнби, исходил из накопленного исторической наукой разнообразного материала. Поэтому предметом исследования у него стала не «душа культуры» О. Шпенглера и не «умопостижимое поле исследования» А. Тойнби, а **система фаз этногенеза** на том или ином уровне и в ту или иную историческую эпоху. Обобщая свои наблюдения, он несколько раз представлял периодизацию «фаз развития», положив каждый раз иную систему отсчета: зависимость либо от ландшафтных (природных) условий, либо от времени (возраст этногенеза), либо от императива поведения, свойственного каждой фазе, либо от пассионарного напряжения.

В книге «Этногенез и биосфера Земли» он рассмотрел «фазы развития» в связи с ландшафтом. Описывая механизм возникновения антропогенных ландшафтов, Гумилев указал на связь

фаз этногенеза с ландшафтами. Исходя из ландшафтной системы отсчета, он первоначально представил периодизацию из шести «фаз развития». «Историческая, описанная в источниках, эпоха включает при отсутствии внешнего смещения следующие фазы этногенеза: 1) явный период фазы подъема; 2) акматическую фазу, когда этнос предельно активен, а давление на ландшафт уменьшено; 3) фазу надлома, когда антропогенное давление максимально и деструктивно; 4) инерционную фазу, в которой идет накопление технических средств и идеологических ценностей; ландшафт в это время поддерживается в том состоянии, в которое он был приведен ранее. После этого наступает фаза обскурации, во время которой нет забот ни о ландшафте, ни о культуре; 6) фазу гомеостаза, когда идет взаимодействие остатков полуистребленного этноса с обедненным ландшафтом, возникшим на обломках погибшего культурного ландшафта, там, где на месте дубов выросли лопухи, среди которых играют в прятки правнуки завоевателей и дети разбойников. В эту эпоху отношение этноса-персистента к природе становится одновременно потребительским и охранительным. Но, увы, как то, так и другое диктуется традицией, а не волевым сознательным решением. И так до тех пор, пока новый этнос вновь не преобразует ландшафт⁷⁷. Отсюда следовал вывод, повлиявший на создание Гумилевым концептуальной истории, которая представлена не одним этногенезом, как единым глобальным явлением, а множеством самостоятельных этногенезов, существующих в тех или иных районах.

Вторая точка отсчета, лежащая в основе сюжета книги «Конец и вновь начало», — возраст этносов, закономерности взлетов и падений, цикличности. Под «фазой этногенеза» здесь имелись в виду временные рамки стадии развития этногенеза, определяемые направлением, скоростью и пределами изменения уровня пассионарного напряжения в этнической системе. Периодизация, а следовательно, и логика развития этноса, тут связана со временем, которое понимается как возраст человека и этноса. В отличие от историков, которые не ставили задачи показать уникальное соотношение возрастов этноса, т. е. поставить проблему как соотношение ребенка, юноши, мужа в расцвете сил и пожилого многоопытного человека, Гумилев исходил из того, что этнос, возникнув, проходит ряд закономерных фаз развития, которые можно уподобить различным возрастам человека. Вслед за Шекспиром, определившим семь

⁷⁷ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 246–247.

возрастов и семь ролей человека, Гумилев определил фазы развития этноса, отождествив их с детством, отрочеством, юностью, зрелостью и старостью человека⁷⁸. При такой периодизации границы фаз не являются «линейными» и абсолютно точными, а в той или иной степени размыты, даты этих вех условны и характеризуют лишь типичные переломные моменты. Некоторая неопределенность границ все-таки позволяет при дальнейшем изучении конкретных этногенезов считать начала и концы фаз определенными историческими вехами. Поэтому, несмотря на условность, средняя продолжительность каждой фазы развития этноса определялась Гумилевым в 200–300 лет, а продолжительность существования каждого этноса — 1200–1500 лет от его возникновения до полного разрушения. Он проиллюстрировал это на примере Византии, которая за 1500 лет прошла все фазы этногенеза, после чего одни византийцы превратились в персистентный этнос, а другие были ассимилированы турками и славянами⁷⁹.

Согласно третьей точке отсчета, использованной в книге «Этносфера: история людей и история природы», периодизация производится по *императиву поведения* людей, под которым понимался «идеальный принцип поведения индивида в этническом коллективе, который диктует ему этот коллектив»⁸⁰. Сопоставляя семь фаз развития этногенеза, Гумилев различал их по двум, отчасти совпадающим схемам. По одной схеме — 1. «Мы хотим переделать мир». 2. «Мы знаем, все будет иначе». 3. «С нас хватит». 4. «Дайте жить». 5. «День, да мой». 6. «Помни, как все было прекрасно». 7. «Будь сам собой доволен, тролль!». По другой схеме фазе роста соответствует императив: «Будь тем, кем ты должен быть» (по социальному происхождению). Пассионарному подъему — «Мы хотим быть великими». Акматической фазе — «Будь самим собой». Надлому — «Мы устали от великих». Инерции — «Будь таким, как я». Обскурации — «Будь таким, как мы». Гомеостазу свойственно полное забвение, утрата императивов поведения и постепенное угасание. Последние фазы, по мнению Гумилева, так же необходимы, как фаза старости у человека. Конечно, и они не долговечны, и они не могут долго существовать и распадаются на составные части, причем выживают только те, кто не принимал участия в историческом процессе, кто жил в гомеостазе

⁷⁸ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии... С. 256.

⁷⁹ *Его же*. Этногенез и биосфера Земли. С. 252.

⁸⁰ *Его же*. Этносфера... С. 524–525.

в равновесии с природой. И если в это время начинается новый пассионарный толчок, то все начинается сначала. И таких толчков в ближайшем историческом времени известно семнадцать⁸¹.

В соответствие с четвертой точкой отсчета — по уровню пассионарного напряжения — периодизация фаз развития рассматривается в книге «Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации». Логика развития этногенеза здесь включает семь фаз и выглядит следующим образом:

- фаза первая — пассионарный импульс или толчок;
- фаза подъема — стабильный рост после пассионарного толчка;
- фаза акматическая — максимальное пассионарное напряжение после толчка;
- фаза надлома — раскол этнического поля;
- фаза инерции — плавное уменьшение пассионарности;
- фаза обскурации — снижение пассионарного напряжения;
- фаза мемориальная, знаменующая переход к этническому гомеостазу, во время которого пассионарность затухает.

Будучи убежден, что все процессы этнической истории происходят в соответствии с этой логикой, правда, с вариациями, Гумилев сделал вывод, что каждой фазе соответствует свой уровень пассионарного напряжения, которое в течение всего этногенеза не остается стабильным, а постоянно меняется. На фазе пассионарного подъема, когда структура этнической системы постоянно усложняется, из разрозненных субэтносов возникает новый этнос, пассионарность устойчиво растет. На акматической фазе пассионарность достигает максимального уровня. Именно здесь создается суперэтнос — единый этнический мир, состоящий из отдельных, близких друг другу по поведению и культуре этносов. Вся последующая этническая история связана с обратным процессом — разрушением созданного и спадом пассионарности. Фаза надлома наступает вслед за «перегревом» акматической фазы. В инерционной фазе пассионарность убывает медленно и плавно, а люди живут спокойно, наслаждаясь материальными и культурными благами цивилизации. Однако когда пассионарность падает еще ниже — при деструктивной фазе обскурации, обманчивое благополучие и спокойствие гибнет от рук собственных субпассионариев. Тогда этнос исчезает, а оставшиеся от него люди либо инкорпорируются в новые этносы, либо остаются в виде этнических реликтов — осколков когда-то бушевавших

⁸¹ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии... С. 148–149.

страстей. При этом важным является гумилевское замечание, что заслуга пассионариев — в их великих делах, в их участии в исторических событиях. И Александр Македонский, и Сулла, и Ян Гус, и Аввакум должны рассматриваться как участники разных этногенезов в разных фазах и регионах⁸². В разных ситуациях правители могли зависеть от масс не меньше, чем те от них. Так, в фазе пассионарного подъема массы не могут и не хотят жить в состоянии покоя. Знак этнической доминанты фазы подъема в фазе спада меняется на обратный. При спаде пассионарности складывается ситуация, когда люди хотят сидеть дома, а начальники гонят их в бой. При подъеме пассионарности, напротив, — люди гонят в бой королей. Впрочем, субпассионарии могут делать то же самое, только без цели и без смысла⁸³.

По гумилевской логике, экономические, политические и социальные системы, созданные людьми, не успевают за перемещениями пассионариев и субпассионариев. Они всегда более инерционны и менее пластичны, чем природная среда. И если предки создали государство и экономику, рассчитанные на множество пассионариев акматической фазы, то в фазе надлома потомкам приходится все перестраивать, приспосабливаясь к ухудшающимся или просто меняющимся условиям жизни.

Итак, согласно гумилевской теории, перечисленные фазы этногенеза проходит любой этнос, хотя и по-разному. Наряду с этносами, проходящими фазы этногенеза, возникают и исчезают химерные антисистемы, лишенные развития и не имеющие возрастов. Несмотря на кратковременность своего существования, они играли заметную роль в этнической истории. Но самые тяжелые моменты в жизни этноса (а значит, и в жизни людей, его составляющих) — это так называемые фазовые переходы. Фазовый переход всегда является глубоким кризисом, вызванным не только изменениями уровня пассионарности, но и необходимостью психологической ломки стереотипов и императивов поведения людей ради приспособления к новой фазе развития. Нельзя также не учитывать того, что любой процесс этногенеза мог быть насильственно оборван извне по разным причинам: от природных катаклизмов до массовой гибели людей в войнах и эпидемиях вроде чумы или СПИДа⁸⁴.

⁸² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 314–315.

⁸³ *Его же*. Ритмы Евразии... С. 522.

⁸⁴ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии... С. 188–189.

Нельзя также не учитывать, что для разработки своей теории этногенеза Гумилевым была предпринята попытка междисциплинарного синтеза достижений в области истории, этнографии, психологии, исторической географии, экологии, палеоклиматологии, археологии, лингвистики, антропологии и т. д. При этом ученый, насколько хватало его собственных возможностей, даже пытался, консультируясь с видными специалистами в самых различных областях научного знания, привлекать необходимые сведения из физики, биологии и других наук. Все это привело к появлению очень интересных, хотя и небеспорных гипотез. Теория Гумилева также имеет и несомненный прикладной потенциал, остро актуализирующийся в условиях многополярного мира. Современные геополитические процессы (особенно последние события на всем пространстве ближневосточного региона) ярко показывают роль именно стихийно проявляющегося пассионарного фактора в смене казавшихся незыблемыми политических режимов и изменении всей международной ситуации.

VI. Пассионарность

Введение в научный оборот понятия «пассионарность» имело большое значение для создания теории этногенеза. Этот шаг был связан с постановкой и решением проблемы, по какой причине этносы вели себя по-разному в разных исторических условиях и в разные исторические периоды? Постановка этого вопроса не была случайной. Еще в студенческие годы Гумилев пытался решить задачи: «почему возникали могучие этносы и куда они пропадали, хотя полного вымирания их членов заведомо не было?»; «почему возникают этносы и почему конец их неизбежен?»⁸⁵. Желание найти ответы постоянно определяло направление его исследовательских интересов. Например, касаясь истории монголов, он ставил аналогичные вопросы и определял направления своих исследований: «Поиски могут идти по двум направлениям: 1) почему монголы стремились к победам? и 2) почему их соседи позволяли себя завоевывать?»⁸⁶. Эти поиски продолжались во все последующие годы, даже тогда, когда он находился в тюрьмах и лагерях. О том, как там ему в голову приходили ответы на поставленные вопросы, он вспоминал во многих книгах. Например, в книге

⁸⁵ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 27, 299.

⁸⁶ *Его же.* Ритмы Евразии... С. 42.

«Конец и вновь начало» он писал: «Я лежал под лавкой и думал: а почему же Александр Македонский пошел сначала на Персию, а потом на Индию и Среднюю Азию? Что ему там было нужно? — Ничего! И вдруг у меня как вспыхнуло в голове, что все эти большие войны совершаются не потому, что они кому-то нужны (и меньше всего их участникам), а потому, что существует такая вещь, которую я назвал *пассионарностью*»⁸⁷. Назвав эту возникшую, «как удар молнии», идею пассионарностью, он попробовал применить ее к истории, и оказалось, что она присутствует абсолютно во всех исторических процессах: «Если ее нет, то процессы не идут. Тогда люди спокойно и тихо живут, никого не трогают, а если на них нападают, они защищаются в меру своих сил»⁸⁸. Убедившись в эффективности идеи пассионарности, Гумилев решил использовать ее в научном анализе. «Поэтому для целей научного анализа мы предложили новый термин “пассионарность” (от лат. *passio* — страсть), исключив из его содержания животные инстинкты, стимулирующие эгоистическую этику и капризы, являющиеся симптомами разболтанной психики, а равно и душевные болезни, потому что хотя пассионарность, конечно, отклонение от видовой нормы, но отнюдь не патологическое»⁸⁹.

Указывая на открытие Гумилевым феномена пассионарности, следует отметить, что даже критики его не могли не признать важности этого факта. Введение в научный оборот понятия «пассионарность» считается одним из главных открытий Гумилева и в то же время наиболее спорных его достижений. Одно это открытие ставит имя Гумилева в один ряд с именами таких крупнейших ученых и мыслителей, как Ибн Халдун, Дж. Вико, И. Г. Гердер, В. фон Гумбольдт, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, В. И. Вернадский, А. Л. Кребер, Л. И. Мечников, Ф. Ратцель, П. А. Сорокин, А. Тойнби, А. Л. Чижевский, О. Шпенглер. Известно, что впервые эффект этой формы энергии был открыт академиком В. И. Вернадским. Еще не зная о его работах, Гумилев, анализируя этнические процессы, протекавшие на нашей планете в течение нескольких тысячелетий, пришел к выводу о наличии в этих процессах некоей энергии, которую он назвал пассионарностью и позднее дал определение ее типа в соответствии с учением В. И. Вернадского. Хотя вне всяких сомнений, истоки этой идеи о важности энергии

⁸⁷ Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. С. 8.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ *Его же*. Этногенез и биосфера Земли. С. 303.

в саморазвитии процессов любой природы уходят своими корнями к философским прозрениям Гераклита, концепции энергетизма Г. Ле Бона, энергетической теории нобелевского лауреата В. Ф. Оствальда и целого ряда других выдающихся ученых и мыслителей. Это не означает, что между этими исследователями и Гумилевым можно найти прямую нить идейной преемственности. Предпринятые в последние годы специальные изыскания истоков концептуальных идей Гумилева со всей очевидностью свидетельствуют о том, что данное явление той или иной своей гранью открывалось многим. Однако лишь Гумилев исследовал его на широком этнокультурном материале. В созданной им теории пассионарности он не просто добавил пассионарность к евразийскому учению, а углубил ее понимание, вводя новые понятия: «пассионарный импульс», «пассионарный толчок», «пассионарное напряжение», «пассионарное наполнение». Трактую пассионарность как четвертый параметр этнической истории, он ставил ее один ряд с такими категориями, как «пространство», «время», «этнос».

Следует отметить, что, работая над идеей пассионарности много лет, Гумилев в разное время понимал ее по-разному. Вначале он определял ее просто как активность людей, проявляющуюся в стремлении к цели; потом — как причинность, источник и движущую силу этнической истории и, наконец, как особую энергию, влияющую на жизнь человека и человечества в целом. В дальнейшем он несколько раз уточнял содержание этого понятия. В итоге творческих раздумий понятие «пассионарность» приобрело у него пять значений: целенаправленность, характеристика поведения и психики человека, причинность, источник и движущая сила истории, особая жизненная энергия, тот «фактор X», который определял появление и развитие этногенеза⁹⁰.

В первом значении пассионарность предстает как синоним целенаправленности. В книге «Конец и вновь начало» она определяется как стремление действовать без всякой видимой цели или с целью иллюзорной. Иногда иллюзорная цель оказывается полезной, но чаще бесполезной, но пассионарий не может не действовать. Это касается не только одного человека, но группы людей⁹¹.

Последнее значение пассионарности он связал с вопросами: «какая энергия движет этногенезом?», «откуда взялся первоначальный толчок и какова природа той энергии, которая

⁹⁰ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 273, 300, 203 и др.

⁹¹ *Его же.* Конец и вновь начало. С. 8.

инициирует деяния людей, побуждает их идти на гибель или добиваться победы, воспользоваться плодами которой они не успевают?». О том, как пришла ему в голову идея отождествить пассионарность с энергией, он писал в книге «Конец и вновь начало». Находясь в камере Лефортовской тюрьмы, «я увидел, как луч света падает из окна на цементный пол. И тогда я сообразил, что пассионарность — это энергия, такая же, как та, которую впитывают растения. Здесь сработала далекая ассоциация. Так я сделал следующий шаг в развитии своей теории»⁹². Гумилев аргументировал ее следующим образом. Поведение каждого человека и каждого этноса — просто способ адаптации к своей географической и этнической среде. Но чтобы адекватно приспособиться к этой среде, нужна какая-то потенциальная энергия. Этот вывод следовал из закона сохранения энергии, согласно которому энергия, необходимая для совершения той или иной работы, не может взяться ниоткуда. При этом закономерно встал вопрос о форме рассматриваемой энергии, механизме ее абсорбции.

Ответ на этот вопрос был найден Гумилевым в трудах В. И Вернадского, который открыл и описал этот вид энергии, сопоставив скопища саранчи с массой руды в месторождениях. Саранчи было больше, чем руды, и летела она навстречу смерти. Что же ее толкало? В поисках ответа Вернадским было создано учение о биосфере как оболочке Земли, обладающей антиэнтропийными свойствами. Но люди — тоже часть биосферы, следовательно, энергия живого вещества пронизывает тела наши, наших предков и будет пронизывать тела наших потомков, стимулируя появление и развитие разнообразных этногенезов. За счет этой энергии живые организмы растут, размножаются и совершают самую разнообразную работу. Распределена эта энергия в биосфере неравномерно, что порождает и в животном и растительном мире так называемые «волны жизни», приводящие к массовой миграции животных. В человеческих коллективах (этносах) избыток энергии тоже порождает всплески целенаправленной активности, выражающейся в способности этнических коллективов совершать работу, активную деятельность миграционного, экономического, военного характера.

Эта активность определяется количеством энергии в системе, т. е. пассионарным напряжением. Вследствие пассионарного напряжения происходят как бы вспышки, за которыми следует снижение активности и, наконец, исчезновение. Таким

⁹² Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. С. 10.

образом, на поставленный вопрос: «На какой энергии работает этногенез?» — Гумилев давал вполне определенный ответ: «На энергии живого вещества биосферы, которую открыл наш великий естествоиспытатель В. И. Вернадский и которая движет всеми живыми существами: муравьями, леммингами, людьми. Это та самая энергия, которая дает видимый нами эффект — пассионарность»⁹³. Определяя пассионарность как «эффект воздействия природы на поведение этнического сообщества», как избыток живого вещества биосферы, он утверждал, что пассионарность имеет энергетическую природу, выражающуюся в способности людей совершать целенаправленную работу по изменению окружающего мира, что требует длительного эмоционального, интеллектуального и физического напряжения и объясняется повышенным количеством энергии, которую человек захватывает (абсорбирует) из окружающей среды. Эта энергия воплощается в способностях пассионариев, которые, подобно магниту, притягивающему железные опилки, притягивают к себе наиболее активную часть населения и ведут ее за собой.

Относя к пассионариям людей, обладающих особой активностью, врожденной способностью абсорбировать энергию из внешней среды и выдавать эту энергию в виде целенаправленной работы по изменению окружающей среды, Гумилев описывал пассионарность и на индивидуальном уровне (в качестве отдельного поведенческого импульса, не сводимого ни к каким известным биологическим инстинктам или психическим свойствам человека) и на популяционном (как активность этнических коллективов). Он исходил из того, что и люди, и этносы по-разному наделены пассионарностью. Взяв в качестве нормы величину, которую удобно принять за единицу, он приводил примеры из русской художественной литературы: «Величина пассионарного импульса может быть меньше импульса инстинкта, равна ему и больше его. Примеры: $P=1$ — князь Болконский из сочинений графа Л. Н. Толстого; $P < 1$ — чеховский интеллигент; еще меньше — просто обыватель; за ним следует босяк — субпассионарий из ранних рассказов А. М. Горького; еще ниже — кретины и дегенераты»⁹⁴. Касаясь чеховских персонажей, он отмечал, что при всех их положительных качествах им почти всегда не хватает энергии: «У них как будто все хорошо, но чего-то все-таки не хватает: порядочный, образованный человек, учитель, но... “в футляре”,

⁹³ Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. С. 11.

⁹⁴ *Его же*. Этногенез и биосфера Земли. С. 383.

хороший врач, много работает, но... Ионыч»⁹⁵. В соответствии с затраченной энергией Гумилев делил всех людей на три группы: гармоничные люди, суперпассионарии и субпассионарии.

Гармоничные люди — пассионарии энергоуравновешенного типа, производящие столько работы, сколько нужно для поддержания своей жизни и своего потомства, для личного и видового самосохранения. Характеризуются они повышенной адаптацией к окружающей среде, обеспечивающей связь уже сложившегося этноса и ландшафта. В структуре этноса они играют важную роль стабилизирующего фактора, поддерживающего этническую традицию. Они являются залогом внутренней устойчивости этноса.

Суперпассионарии — люди энергоизбыточного типа, обладают врожденной способностью абсорбировать из внешней среды энергии больше, чем требуется для личного и видового самосохранения. Проанализировав биографии таких деятелей, как Александр Македонский, Сулла, Ганнибал, Чингисхан, Наполеон, Жанна д'Арк, Ян Гус, из русских: Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Ивана Сусанина, Сергея Радонежского, протопопа Аввакума, Петра Первого, Александра Суворова, Михаила Кутузова, Иосифа Сталина и др., Гумилев обнаружил, что всех их объединяет внутреннее стремление к активной деятельности. Это стремление диктовалось не материальными благами и не условиями среды, наоборот, их деятельность часто вызывала осуждение со стороны окружающих и довольно часто приводила их к лишениям и гибели. Более того, в истории известны многие случаи, когда люди жертвовали жизнью ради идеи или общего дела, причем не под влиянием минуты, а вполне обдуманно. Именно эти люди обладают способностью активно влиять на поведение и психическое состояние окружающих лиц и оказывать влияние на ход истории. Именно их энергия движет людьми.

Субпассионарии — люди энергодефицитного типа, которые в силу неспособности абсорбировать из окружающей среды достаточное количество энергии, не могут полноценно адаптироваться в общественной среде. Недостаток энергии проявляется в их неспособности сдерживать инстинкты, асоциальном поведении, паразитизме, недостаточной заботе о своем потомстве. Их называют бродягами, бомжами, босяками, люмпен-пролетариями, чернью, отбросами общества и т. п. Обычно они скапливаются в крупных городах, где есть возможность жить

⁹⁵ Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. С. 41.

не работая. Развлекаясь, ведя паразитический образ жизни, они по-своему активны, но их сосредоточение в городах приводит к громадному росту алкоголизма, преступности, наркомании, проституции и прочими негативными явлениями. В книге «Этносфера: история людей и история природы» Гумилев давал обобщенную характеристику субпассионариев, которые поглощают энергии меньше, чем остальные. «Им все трудно, а желания их примитивны: поест, выпить, поразвлечься с такой же женщиной. Таковы неаполитанские лаццарони, бродяги, описанные Максимом Горьким, подонки капиталистических городов, вымирающие племена Андаманских островов, которым лень наловить рыбы, нарвать в лесу плодов для любимых детей. Они лежат на берегу океана в ожидании парохода, а потом просят у приезжих туристов табаку, курят... и счастливы. Субпассионарии существуют повсеместно. Они очень различны. Близкие к оптимуму составляют кадры преступников и проституток. Те, кто слабее, становятся алкоголиками и наркоманами, а еще ниже стоят дебилы и кретины, у которых не хватает энергии даже на то, чтобы мечтать. Эти особи за пределами нормы. Субпассионарии отнюдь не так безобидны, как может показаться; для них характерна безответственность и импульсивность, склонность к агрессии. Им нельзя ничего доверять, ибо ради минутного наслаждения они способны погубить любое дело, даже государственное или общественное»⁹⁶.

Итак, поставив вопросы: какая энергия движет людьми и на какой энергии работает этногенез, Гумилев прямо ответил — на пассионарной энергии. Это отразилось на его понимании всей этнической науки. Исходя из того, что этническая история изучает различные народы (этнос) как естественно сложившиеся коллективы людей, он увидел отличие этнической истории от других исторических наук в дискретности, прерывистости, происходящей потому, что сам процесс этногенеза конечен и связан с определенной формой энергии — энергии живого вещества биосферы. Пассионарная энергия является пусковым моментом этногенеза и его двигателем.

Однако нельзя не отметить, что взгляд на пассионарность у Гумилева менялся, по меньшей мере, трижды. Вначале он считал, что дело в отдельных личностях, обладающих разной степенью пассионарной энергии: у одних — норма, у других — избыток, у третьих — дефицит. Затем он вывел закономерность: не отдельные пассионарии делают великие

⁹⁶ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии... С. 33.

дела, а тот общий настрой, который можно назвать пассионарной напряженностью. Из этой закономерности следовал вывод: по мере повышения уровня пассионарной напряженности количество суперпассионариев увеличивается, а количество субпассионариев уменьшается. И, наоборот, по мере снижения уровня пассионарной напряженности количество субпассионариев увеличивается, а количество суперпассионариев уменьшается. Со временем Гумилев осознал, что с помощью такого количественного подхода можно дать описание фаз развития этногенеза, но не удастся объяснить смену фаз и причины гибели этносов. Чтобы объяснить это, ему пришлось применить естественнонаучный подход. По аналогии с физиками, считавшими, что на основе законов аэродинамики и гравитации полет самолета возможен только при наличии скорости: есть скорость — самолет летит, нет скорости — самолет падает, он обосновал связь смены фаз развития этногенеза с пассионарным напряжением: есть пассионарное напряжение — есть смена фаз развития этногенеза, нет пассионарного напряжения — нет смены фаз развития. В итоге он сформулировал закон: работа этнических коллективов прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения. Суть этого закона в том, что при повышении пассионарного напряжения смена фаз происходит по восходящей линии, при снижении — по нисходящей, ведущей, в конечном счете, к диссипации, распаду этноса.

Исключительное значение пассионарности заключается лишь в том, что она — мера потенциальных возможностей конкурирующих этнических систем и потому определяет расстановку сил в данную эпоху, хотя и не детерминирует исхода событий. Другими словами, пассионарность определяет степень интенсивности процессов этногенеза, а доминанта — направление и своеобразие их проявления. На персональном уровне пассионарность определяет степень «проявленности», выраженности тех или иных качеств и способностей, а как уже этим своим природным качеством распорядиться, на что направить свои силы — зависит исключительно от самого человека. Поэтому пассионарность в равной мере побуждает людей совершать и героические подвиги, и тяжкие преступления, исключая лишь равнодушие. Вместе с тем вопрос о природе и источниках данного вида энергии остается на настоящий момент все же открытым и нуждается в дальнейшем серьезном научном изучении.

Таким образом, согласно теории Гумилева, каждый народ (этнос) Земли, без исключения, обладает оригинальной

этнической историей, к которой неприменимы определения «хуже» или «лучше», «культурней» или «бескультурней», так как любой этнос в своем развитии подчиняется одним и тем же универсальным закономерностям этногенеза. В этом, кстати, академик Д. С. Лихачев усматривал высокий гуманизм концепции Гумилева⁹⁷.

Одним из важнейших в гумилевской пассионарной теории является вопрос о соотношении этногенеза и культурогенеза. Ему посвящены отдельные главы в книгах «Этногенез и биосфера Земли», «География этноса в исторический период» и в специальных статьях: «Истоки ритма кочевой культуры Средней Азии (Опыт историко-географического синтеза)», «Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века» (соавт. И. Эрдейи) (1969), «Феномен культуры малых народов Севера» (1982), «Культурогенез и этногенез кочевых и оседлых цивилизаций в средние века» (1987), «Этнос, история, культура» (1989). В этих публикациях излагается сущность и специфика гумилевской концепции культуры. Сравнительный анализ ее с концепциями О. Шпенглера, А. Тойнби и других культурологов позволяет выделить следующие ее особенности. Гумилев рассматривал культурно-исторический процесс как часть «этногенеза, развивающегося по схеме: 1. вспышка творческой активности и создание этносоциальной системы; 2. акматическая фаза, кончающаяся кризисом, иногда фатальным для этноса; 3. инерционная фаза, называемая “цивилизацией”; и 4. персистирование (переживание), т. е. переход динамического процесса в гомеостаз. Вариабельность этой схемы определяется экзогенными воздействиями, которые сообщают каждому отдельному процессу неповторимый облик. Последующие процессы связаны с прежними культурными традициями, но и то, и другое проходит на фоне социального развития, не ограниченного узкими рамками этнической истории»⁹⁸. Гумилев проводил исследование социокультурного развития широкомасштабно и глубоко, подчеркивая связь культуры с четырьмя параметрами: временем, ландшафтом, императивами поведения, пассионарным напряжением.

Главное своеобразие концепции Гумилева состоит в том, что интенсивность культур у него ставится в зависимость от уровня

⁹⁷ См.: Лихачев Д. С. Отзыв на книгу Л. Н. Гумилева «География этноса в исторический период» // Вспоминая Л. Н. Гумилева. СПб., 2003. С. 348.

⁹⁸ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии... С. 563–564.

пассионарного напряжения. Пассионарность определяет степень интенсивности культурных процессов, направление и своеобразие их проявления. Она растрачивается не только на политическую и хозяйственную деятельность, но уходит также на создание культурных ценностей: написание книг, сочинение музыкальных произведений, ваяние скульптур и пр. Любой такой труд требует больших усилий по сравнению с тем, что необходимо для нормального существования. Поэтому закономерен его вывод: без пассионарности и ее носителей никакая культура невозможна. Культура представляет собой своего рода «кристаллизацию пассионарности» минувших поколений. Пассионарное напряжение поддерживает системные связи этноса и тем самым обеспечивает его устойчивость и творческую активность, приводящую к созданию культуры. Придавая большое значение разработке культурологической концепции, связывающей смену культур с изменением уровня пассионарного напряжения этносистемы, Гумилев уточнял, что этот ракурс рассмотрения справедлив лишь для объяснения смены эпох в истории культуры того или иного этноса, но не для объяснения самого феномена культуры, представляющего собой «причудливую смесь гениальных озарений с заимствованием».

Создав пассионарную часть теории этногенеза, Гумилев не остановился на этом и снова продолжил поиск. «И теперь наша задача состоит в том, чтобы показать, может ли открытый и описанный нами феномен решить поставленные нами вопросы этногенеза и этнической истории»⁹⁹. И ему удалось создать альтернативную концепцию этнической истории:

а) на смену истории, бывшей «калейдоскопом дат», «калейдоскопом отдельных фактов», «калейдоскопом случайностей», пришла альтернативная концепция этнической истории, представляющая «калейдоскоп мозаик этносов»;

б) на смену «истории без начала и без конца» пришла «серия дискретных этногенезов, постоянно взаимодействующих между собой»¹⁰⁰;

в) на смену идеалистическим представлениям о ходе истории, основанным на теории «героев и толпы», пришел анализ смены фаз развития этногенеза с присущей им пассионарной напряженностью;

г) на смену историческому материализму, трактующему историю как смену способов производства, пришла история,

⁹⁹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 315.

¹⁰⁰ *Его же.* Ритмы Евразии... С. 542.

изучающая смену стереотипов и императивов поведения этносов, суперэтносов и субэтносов;

д) в дополнение к этнографии, фиксирующей внимание на различиях этносов, пришла этнология, изучающая общие свойства и закономерности развития этносов.

Сила и методологическое значение пассионарной теории в том, что она учит каждый народ познавать себя, устанавливать, в каком возрасте, на какой фазе развития он находится, как соотносится с природой, каков уровень его пассионарной напряженности, каковы типичные императивы и стереотипы его поведения, какова его этническая доминанта. Можно соглашаться или не соглашаться с этой теорией, но нельзя отказать ей в оригинальности, в умелом применении к историческому материалу. Значение этой теории заключается также в том, что ее появление оказало большое влияние на создание альтернативной концепции всемирной истории.

VII. Философская концепция всемирной истории

Применение альтернативного подхода и пассионарной теории этногенеза позволило Гумилеву создать также концептуальную картину всемирной истории, которой он придавал очень большое значение, подчеркивая, что именно создание концепции всемирной истории лежит в основе исторической интерпретации и отличает историю («поиск истины») от хроник или простого перечисления событий. Над разработкой концепции всемирной истории Гумилев работал всю жизнь, и создание ее является вершиной его творчества.

В процессе создания своей исторической концепции он учитывал, что задолго до него сложились две исторические концепции: всемирно-историческая и культурно-историческая. Первая из них трактовала историю народов как единый линейный процесс прогрессивного развития, захвативший почти все области, населенные людьми. Прогрессом при такой интерпретации истории считался геополитический критерий — последовательное расширение территорий: чем больше территорий присоединялось, тем более прогрессивной считалась роль того или иного государственного деятеля. В последующие века эта концепция устояла и была только несколько иначе сформулирована — как геополитическая и глобалистская. В основе культурно-исторической концепции, крупнейшие представители которой — Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Тойнби — критерием прогресса признавали культуру

и цивилизацию. Критически осмыслив это наследие, Гумилев предложил свою альтернативную концепцию всемирной истории, в основание которой был положены:

– иные цели и задачи — «понять Всемирную историю как становление одной из оболочек Земли — этносферы»¹⁰¹, «ритмы и кванты Всемирной истории»;

– иные проблемы — ответить на вопросы: что такое история? откуда и куда она идет? что такое народ в его органической связи с рельефом, климатом, речными ресурсами? почему и как человек преобразил лик Земли? на какие именно закономерности жизни человечества влияет географическая среда и на какие не влияет? как влияет на природу человечество, как влияют на нее разные народы в разных фазах своего развития¹⁰²;

– иной предмет исследования — не один этнос, а мозаика этносов; не один этногенез, а множество этногенезов;

– иной уровень исследования — не констатация, а обобщение; не низшая или средняя стадии обобщения, а высшая — философская стадия обобщения; не только анализ, но венчающий исследование синтез¹⁰³;

– иная интерпретация — не с позиции «мышинной норы», собачьей конуры или верховой лошади, а с позиций летящего орла и даже с космических высот. Позднее были добавлены еще четыре позиции, которым в итоге стало соответствовать семь методик: филологическая, биографическая, этнографическая, политико-историческая, этнологическая, культурологическая, географическая¹⁰⁴;

– нелинейные синергетические теории, учитывающие сложность и поливариантность движения общества: эволюцию и диссипацию, бифуркации и флуктуации, стохастичность и аттрактивность.

Применив указанные нововведения к всемирной истории, Гумилев создал альтернативу классическим вариантам понимания истории, которая может быть представлена в следующих вариантах:

– «естественная наука о происхождении и сменах этнических целостностей, комбинациях элементов в разнообразном пространстве и необратимом времени»¹⁰⁵ — альтернатива сверхъестественной истории;

¹⁰¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 179.

¹⁰² Там же. С. 19, 20, 27, 28, 52, 228, 229 и др.

¹⁰³ *Его же*. В поисках вымышленного царства. С. 12.

¹⁰⁴ *Его же*. Этногенез и биосфера Земли. С. 404.

¹⁰⁵ *Его же*. Этносфера... С. 21.

– полицентристская история, изучающая все «центры» и народы, проживающие на различных ландшафтах планеты Земля — альтернатива европоцентристской и евразийской концепций истории, считающих центром Европу или «Евразию — океан»;

– история, изучающая законы разных уровней, начиная от этнических и исторических закономерностей и кончая универсальными законами, действующими в природе и обществе — альтернатива фактографии и идеографии, фиксирующих внимание на отдельных, особенных событиях;

– история, охватывающая ритмы Евразии и всемирной истории, все эпохи и цивилизации — альтернатива «морфологии культур» О. Шпенглера и «теории круговорота локальных цивилизаций» А. Тойнби;

– полиструктурная целостная история, учитывающая законы связи всех элементов экономической, политической, социальной и духовной жизни людей и показывающая непрерывную смену системных связей — альтернатива поэлементной истории;

– синергетическая философия истории, основанная на «синергетическом историзме», учитывающая сложность и поливариантность движения общества, многообразные изгибы истории, — альтернатива линейной философии истории.

Так понятая философия истории дает ответ на основные философско-исторические вопросы, позволяя выявить универсальные закономерности человеческого бытия и помогая решить многие глобальные проблемы современности: экологические, демографические, экономические, политические, идеологические и пр. В отличие от многих историков, которые только констатировали исторические факты, Гумилев подчеркивал философский характер своих работ. По поводу своей книги «Конец и вновь начало» он писал: «Моя работа лежит между монографией и философией. Она — “эмпирическое обобщение” тридцати статей и четырех монографий и еще четырех трактатов, выражающих суть диалектики природных процессов антропосферы»¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. С. 52.